

СМЕНА

№ 11 (937) ИЮНЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НАМ ПЕСНЯ
СТРОИТЬ И ЖИТЬ
ПОМОГАЕТ

XV съезд ВЛКСМ
ОТ ИМЕНИ
СОВЕТСКОЙ
МОЛОДЕЖИ
КЛЯНЕТСЯ:

МЫ
С ЧЕСТЬЮ
ВЫПОЛНИМ
РЕШЕНИЯ
XXIII
СЪЕЗДА
КПСС!

ВЫПОЛНЯЯ ЛЕНИНСКИЕ ЗАВЕТЫ

«СОЮЗ МОЛОДЕЖИ И ВСЯ МОЛОДЕЖЬ ВООБЩЕ, КОТОРАЯ ХОЧЕТ ПЕРЕЙТИ К КОММУНИЗМУ, ДОЛЖНА УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ».

В. И. ЛЕНИН
(Речь на III съезде РКСМ)

Из года в год вместе с прогрессом нашего общества растут и наши задачи — политические, экономические, социальные. В строительстве коммунистического общества мы неуклонно движемся от простого к сложному, от сложного к сложнейшему, и по всему пути, на котором время ставит свои вехи, это движение остается главным, определяющим, многосторонним.

Участно молодежи в этом революционном процессе был посвящен XV съезд ВЛКСМ. Съезд комсомола собрался через месяц после XXIII съезда КПСС, который всесторонне определил задачи партии и страны на ближайшие годы и четко определил роль комсомола в осуществлении этих задач. В стране полным ходом идут большие экономические преобразования, с успехом которых самым непосредственным образом связаны судьбы всенародного дела. Усиливается роль экономических методов и стимулов в управлении народным хозяйством, коренным образом улучшается государственное планирование, расширяется хозяйственная самостоятельность и инициатива предприятий, совхозов, колхозов, повышается ответственность и материальная заинтересованность производственных коллективов в результатах своей деятельности.

«Партия уверена, — говорится в Приветствии ЦК КПСС XV съезду, — что задания новой пятилетки будут глубоко поняты молодежью, что она с энтузиазмом возьмется за самые трудные дела».

Да, можно без преувеличения сказать, что в Директивах пятилетнего плана нет ни одной строчки, которая не отрывала бы перед молодым поколением широчайших просторов для приложения сил, огромного поля деятельности.

К героическим страницам истории страны и комсомола, написанным строителями Братской ГЭС, магистрали Абакан — Тайшет, газопровода Бузара — Урал, Аму-Бузарского и Северо-Крымского каналов, комбината «Апатит», новых городов — Дивногорска, Мирного, Солечного и других, — молодежи предстоит добавить новые, еще более славные. Пример молодых патриотов Братска,

Пролетарии всех стран, соединитесь!

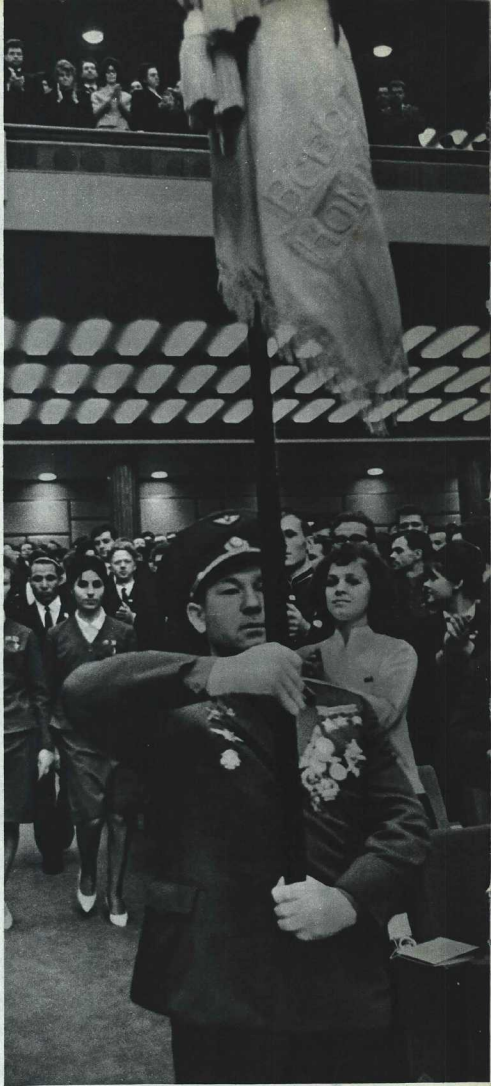
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

11
(1937)

ИЮЛЬ
1966

Выходит два
раза в месяц
Год издания
сорок третий

Волжско, Жданова, Ирминога, Норильска, Рудино, нефтяников Мангышлака и Тюмени, доблечиков якутских алмазов зовет комсомольцев и новыя свершения.

Дела, которые ждут нашу молодежь, сложны, ответственны и многогранны. И здесь интересно оглянуться назад. На Всесоюзной партийной конференции, при обсуждении первой пятилетки, комсомолу была поручена подготовка кадров индустриализации — пятилетка требовала 1 миллион 300 тысяч квалифицированных рабочих.

А в Директивах XXIII съезда партии сказано, что в новой пятилетке надо подготовить около 7 миллионов специалистов с высшим и средним образованием. Задачи, которые сейчас стоят перед страной, по своему размаху и сложности несравнимы, их нам еще не пришлось решать.

Эти задачи могут быть выполнены, если каждый в своем труде будет видеть главное — его общенародное, партийное, именно партийное значение. Вспомним слова замечательного друга молодежи Михаила Ивановича Калинин: «Товарь делает простую машинную работу. Но для нас далеко не безразлично, выполнит ли он эту работу так же, как выполнял бы на частном предприятии за определенную плату, не связывая с ней общественного понимания всей важности этой работы, или, чтобы наш токарь, делая ту или иную деталь, был бы проникнут мыслью, что он вместе с тем делает и большое государственное дело... Если он свою работу связывает с целью, если вкладывает в нее всю свою энергию, силу, умение, понимая, что этим он также защищает нашу страну, то он подходит к своей работе партийно».

**ЗНАЕМ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА
НЕСЕТ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ
АЛЕКСЕЙ ЛЕОНОВ.**

**КАЖДОМУ ХОЧЕТСЯ ПОВОГОВРИТЬ С
ИВАНОМ НИИЧИЧЕМ КОЖЕДУБОМ.**

**АЛЕКСАНДРА ПАХМУТОВА
СРЕДИ СВОИХ ПОЧИТАТЕЛЕЙ.**

В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ.

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ЦК ВЛКСМ С. П. ПАВЛОВ
СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ СЪЕЗДА.

ИДЕТ РЕЗЕРВ КОМСОМОЛА.

«ЛЕНИН С НАМИ!»—
СКАНДИРУЮТ ДЕЛЕГАТЫ.

Этот партийный подход к любому делу, к целям своей деятельности, к оценке своей жизни был всегда и останется сегодня содержанием и смыслом ленинской учебы комсомола.

XV съезд ВЛКСМ указал, что размах и масштабы коммунистического строительства, борьба за осуществление генерального курса партии, конкретные задания предстоящего пятилетия требуют от Ленинского комсомола постоянного внимания к идейно-политическому воспитанию молодежи, к ее революционной, марксистско-ленинской подготовке.

Как бы ни были многообразны дела комсомола, на центре внимания комсомольских организаций всегда остается молодой человек, его взгляды и убеждения, интересы и поступки—эта мысль неоднократно подчеркивалась на съезде. Товарищ фигурально, пятилетка проходит не только по передовым линиям трудового фронта—строителькам, заводам, колхозам, но и в первую очередь через сердца и души советских юношей и девушек.

Стремительный прогресс нашей Родины, успехи коммунистического создания, героика трудового подвига формируют людей особого склада, глубоко преданных ленинским идеалам, революционному делу коммунистов, активному творчеству. Атмосфера всеобщего создания, коллективизма, всеобщей увлеченности воспитывает человека мужественного, мыслящего, гармонически развитого. Однако нужно помнить, что у юношей и девушек нет собственного опыта борьбы с врагом, что большинство из них не прошло суровых жизненных испытаний, а это порой может приводить к беспечности, апатичности.

Ленинский завет «учиться коммунизму» требует, чтобы процесс политического и идейного становления масс молодежи с каждым новым периодом жизни, с каждым новым развитием исторических рубежей становился еще более углубленным, а комсомол еще энергичнее подготавливал молодое поколение к подлинно научному пониманию своей исторической миссии строителя нового, коммунистического общества.

Приняв имя Владимира Ильича Ленина, Коммунистический Союз Молодежи взял на себя высокую ответственность—превратить великие ленинские заветы в постоянную критерий своей повседневной деятельности. И сегодня мы вправе сказать, что комсомол есть та школа, в которой учеба ленинизму, учеба коммунизму достигла огромного размаха и оказывает самое активное влияние на традиционное становление подрастающего поколения.

Съезд ВЛКСМ еще раз настоятельно потребовал от каждой комсомольской организации, от каждого комсомольца, чтобы учеба коммунизму все активнее приобретала свое главное качество—органически сочеталась с практикой, с живой жизнью, с конкретными будничными делами отрядов ленинской смены.

Комсомольцам 20-х годов назвали свою пятилетку «пятилеткой юных». Делегаты XV съезда ВЛКСМ свое участие в предстоящем пятилетнем строительстве определили как кровное, личное дело всей советской молодежи. В этой аналогии далеко не случайной, звучит могучий голос живой связи поколений.

Комсомольцы, молодежь с законной гордостью называют себя наследниками старшего поколения коммунистов. Мы наследуем не только великую реальность и перспективы социалистического общества, замечательные плоды освобожденного труда—Магнитку, Кузбасс, Днепрогэз, но также комсомол и сбереженную от огня войны русскую березу, но и традиции, неукротимый дух ленинской гвардии, зажженной светлое пламя революции. Мы наследники и хранители этого флага. Его нам нести. В труд, в борьбу. Потому что нет движения вперед, без преодоления трудностей, без ветра в лицо.

В дорогу нас зовет партия. С трибуны XV съезда ВЛКСМ зовет нас в дорогу Ленинский комсомол—партия и бойцы молодежи Коммунистической партии. С нами в походе сила ленинских идей, с нами опыт и остринность наших отцов. У нас точные маршруты и ясные цели.

Новый этап нашего пути начнется весной, апрельскими днями работы партийного съезда.

Это наша рабочая весна, дорогие товарищи!

ФОТО А. БОЧИННИНА
И В. МИШИНА

ВОСПИТАНИЕ КОМСОМОЛА, МОЛОДЕЖИ НА РЕВОЛЮЦИОННЫХ, ТРУДОВЫХ И БОВЕНЫХ ТРАДИЦИЯХ СОВЕТСКОГО НАРОДА, КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ — ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ.

(Из Резолюции XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза)

ВШЕПРЕД...

...Это случилось в Домике Новгород в июне 1917 года.

Был в ту пору мобилизован и находился в Нижегородском студенческом подготовительном учебном батальоне, ожидая отправки в военную училище. Занятия в батальоне почти не было, и мы (оба студенты, одетые в военную форму) имели уйму свободного времени.

Я целиком ушел в партийную работу: ходил на заводы и фабрики, где участвовал в диспутах с меньшевиками, эсерами и анархистами, агитировал за большевиков на улицах, встречая в любой политической спор. Ежедневно выполнял я множество партийных поручений. Немало времени отнимала у меня, в частности, почта нашей большевистской газеты «Интернационал». Эта деятельность была очень многообразной. Она включала в себя редактирование части материалов, регулярные беседы с посетителями, ответы на письма читателей, поиск рабочих корреспондентов, корректуру частей заметок и фельетонов, а иногда и распространение газеты. Одновременно стал я совершать свои первые шаги на журналистском поприще под псевдонимом Александр Македо.

В июне 1917 года развернулась в городе кампания по выборам в городскую думу. Это была очень важная кампания, ответственный экзамен для любой политической партии.

И вот что случилось в самый разгар выборной кампании.

...На главной улице города большое здание было почти сплошь заклеено бесчисленными плакатами. Странно существовал понятным, какая партия имеет больше денег. Густо-густо висели многообразные плакаты меньшевиков-кадетов. Редко попадались плакаты эсеров и меньше-

шевников. И очень уже редко виднелись вывешенные на рабочие гроши, не отличающиеся размером и богатством красок листки, призывающие голосовать за большевистский список № 7.

Вместе с товарищем Фриданом, нижегородским рабочим, идя я по улице. В руках Фридана негустая лачка плакатов, но на этот раз больше и красочнее. В моих руках ведро с клеєм и кисть. Мы выбираем на стенах домов свободные места, и новый агитатор за цифру «7» начинаем свою агитацию.

По дороге присовоинились к нам товарищи Воровьа и Арштан. Я с особым волнением вспоминаю об этой встрече, ибо она произошла на углу той улицы, которой через несколько лет было присвоено имя одного из тех, кого мы встретили в тот день, имя славного сына рабочего класса, замечательного большевика, первого председателя Нижегородской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем в 1919 году — Ивана Федоровича Якова Воровьа, сраженного в 1919 году из-за угла подлой рукой белогвардейца...

Отглянувшись на только что вывешенный плакат, мы увидели, как к нам подошел с иголкой одетый пожилой человек в котелке и, упершись «руки в боки», стал разглядывать Инстинктно почув надобность, наше четвертое остановились. Человек в котелке, постав на секунду, сорвал плакат со стены.

Я бросился к нему и схватил его за руку.

— Товарищ! — обратился я к людям, видевшим все, что произошло. — Этот человек нарушил свободу предвыборной агитации. Надо отчеканить буржу!

— Правильно! — крикнул кто-то.

— Чужац! — возразил ему другой голос.

Подошла шум, но сделать что-нибудь, чтобы выполнить мое предложение, никто не поторолся: ситуация была не из привычных...

...На выскла руку человека в котелке, я подтащ его к стене и сорвал плакат кадетов.

— Я тоже нарушу свободу предвыборной агитации! Пусть меня отсаудят, но и его тоже.

Толпа вокруг нас увеличилась. Видно, что наступил подходящий момент для митинга, Воровьа шепнул мне: — Трибуна! Где бы нам трибуна, вышку, куда вы тамбу?

Человек в котелке вырвался и юркнул в толпу.

Александр БЕЗЫМСКИЙ

— Сюда! Сюда! — послышался голос Арштана.

Недалече от нас высклились четыре ступеньки какого-то подъезда.

Люди, занимавшие эти плаидры, охотно уступили нам место. Человек в котелке оказался в поле зрения.

— В бой вступаю все, — тихо промолвил Воровьа. — Говорит короткими очередицами, но бить напаво...

Товарищи Вь получили предметный урок. Вам, наперво, и счас стало, как понимаем свободу агитации и чего тотзат капиталисты, кадеты, все представляют и пророки куплевалы и разувалы, заполучивше власть в лице Временного правительства. Я думаю, что вы не сможете назвать человека, сорававшего наши большевистский плакат, бедняк, помещик, пролетарий...

Одобрительный смех прокатился по толпе.

— Да вы поглядите на него, — продолжал Воровьа, и многие человки повернулись в ту сторону, где стоял человек в котелке. Кто-то встал на дышочки, чтобы лучше разглядеть виновника происшествия...

Трудно придумать более выразительный плакат, агитирующий за нас, большевиков. Глядите, как гордо выпячивает он золотую цепь на своем округлом животе, авелат заковать в железную цепь Россию, и в первую очередь рабочих и крестьян! Верау Советов, к которой мы призываем, для него и для его класса — какой! А для народа — спасение, путь к счастью...

— Вы думаете, он хребет! — насмешливо прозвон Арштан.

— Он трус, — ответил Воровьа. — У него подкилки трусы от аспоминания о том, что рабочие и солдаты вышли на улицы в Петрограде и Москве с лозунгами «Долой войну!» «Долой министров-капиталистов!» «Вся власть Советам!». У него душа в пятках, потому что эти лозунги для него — нож острия. Остановить ход истории он не в силах. А истодышка сорвать плакат он может. Это тоже доказательство его трусости.

А вот когда он принимает свое Временному правительству стрелы в народ и оно выполняет его приказание, — тогда он и его подобные будут в зверствах великими хребрацами, потому что ярить иници в них невероятны. Товарищ! Чтобы этого не случилось, голосуйте за большевиков! Вырвите ядовитые зубы у змеи!

Наш товарищ не подозревал, что его слова станут пророческими. Через некоторое время, третьего июля, в Петрограде произошло расстрел мирной демонстрации.

— Я нижегородский рабочий, — сказал Фридан, в свою очередь, вступа в строй. — Вот так, как он сидели в городской думе и снова ходят в ней верховодить, да и не только в ней. Пустя такого главенствовать в думе, разве он будет стараться построить хорошие дома, выслелучит, скажем, на Молитовке или в Сормовет! Что ему грузчики пристали! Что ему работяги Киванеи! Ни копеечки не даст он ни ключичке ниловой жизни Бюдети, для нищих оравки. Голосуйте на выборах в думу за список номер семь! Трудящиеся люди должны стать хозяевами города и всего, что есть в мире. Они неведут в городе и в мире настоящую красоту, дадут рабочему человеку подлинную свободу...

Ракурс улицы изменил. Воровьа шепнул нам, что сейчас прозвонет несколько заключительных слов, но... Как только Фридан прозвон слова «подлинную свободу», человек в котелке злобно крикнул:

— Не будет вам свободы! Не будет! Тут-то все и началось...

— Кто это «вами» — промолвил список Воровьа. — Рабочие в Костьякам! Солдаты! Голодрацм! Санкилотам!

— Да, да! Голодрацм! Санкилотам! — запальчиво проорал человек в котелке.

— Товарищ! — обратился Воровьа к нашей аудитории. — Во времена Французской революции парижская буржуазия да французским революционером напечатала на первом номере нашемошное прозвание «санкилоты», что означает — голодрацм, бесстыдники. А наши давние товарищи — голодрацм, пролетарий, кадеты и сами стали называть себя санкилотами. Мы тоже не отказываемся так себя называть. Да, мы санкилоты, но мы не хотим стереть друг друга, голосудим в котелке и с золотой цепью на пузе! У трудящихся людей, у крестьян, у бюджетист есть вожак — пролетариат, у пролетариата есть испитанный в боях ажда — рабочий народ, наша партия, ленниская. Если вокруг нас сплотаются люди труда, создающие все богатства, которые есть в мире, — не устоит заступатель и узнателем, науток бростая субкини, подобные этому господну в котелке...

— Пропустите нас, товарищ! — кричал Воровьа, разавернув лодки распустились. — Я хочу, чтобы вы победили, насколько велика сила, которая есть у нас. Я хочу, чтобы вы поняли, что большевик много, куда эту силу направит! Подем с коммунистами рррдми настречу врагам и увидим, выдержит ли они народ народа, когда его ведут по правильному пути!

Воровьа взмахнул рукой и всеело крикнул:

— Вперед, санкилоты! Мы четверо шагнули вперед и огромная толпа двинулась за нами. Как только начался этот могучий марш, люди, онемевшие в котелке, стали отступать, затем повернулись... И бросились врасспашу...

Мы прошли почти до самого конца улицы, гордо чеканя шаг. Кто-то зануил «Смело, товарищи, в ногу, и все подхватили боевой мотом. Перед нами Фридан, онемевший, держа в своей левой плакаты, и демонстрация шла под леннинскими лозунгами, знаменуя собой грядущий октябрьский штурм, приведший к побед...

Автор этого репортажа — журналист Юрий Визбор, создатель и исполнитель песен, которые знает, любит и поет молчаливо, — такж, как «Домбайский вальс», «Спокойно, товарищи», «На плаги Расумовры».

Ю. ВИЗБОР

Фото В. САЙКА
и Ю. БАГРЯНСКИЙ
и В. КОЛТАВБА

Н еважно, в туристском походе ты, в геологической экспедиции, на вершину ли идешь зарабатывать очередную зарплату или просто так шагаешь, потому что нет и не предвидится попутных машин. Главное — идти по земле, видеть людей, понимать их руки, калекать о том о сем. И, может быть, вот тут-то и чиркается в промокшую прошлой ночью и оттого померзловатую занесенную инеем кандалю стючка песни. Скорее всего она при дальнейших прослушиваниях пропадет, отстанет от других стючек, так и не войдет в самую песню. Но именно она рождает песню, как пращка — голица.

Так и подбираются эти песни — от дорожных разговоров, от страных заветов, от нестройного светового запаха, от чужих сосис на речном берегу. Или вот от родника, где, по свидетельству поэта и ученого Дмитрия Сухарева, ее онеишь делью просто только зачерпнуть...

А между тем человека никто не просит писать что-нибудь. Тем более писать, у него другие обязанности перед обществом. Он должен припомнить все свои силы для того, чтобы найти и Заплатить угол. Или, да спрентировать дом, чтобы при завлестрессии он не развалился. Или принудить на шаг вперед, сложную термодермную науку. Или произвести новые методы в шоплане массовый взрыв. И написать об этом. Но не писать. Очевидно написать. Тем не менее человек, которого принятая наукой трех андор на гитаре в тональ-

ности ре-минор, считает нужным во всем своем жизненном деле приписать и сочинение песни.

Зачем это ему нужно? Он что, хочет занять место в Союзе композиторов? Нет. Он что, хочет выбиться в люди? Нет, он уже выбился. И в мелкие люди. Может быть, у него много свободного времени? Свешной У человека триглетная дочь, две общественных нагрузки, кооперативная квартира, четверть знакомых (по статистике), интриги со столешницей, который должен сделать стадам. Несмотря на это, человек решил за ближайшие полгода выучить польский язык. Кроме этого, на кухне лежит вот уже два месяца приготовленная и капитально отремонтированная и оттого крупно затрунующая семейную жизнь бакирка «луч». И вот — на тебе — еще пишет песни!

Человек отлично помнит, как он вступил на этот скользкий путь. Это было давно, на первых курсах института. Стремительно познавался мир. В-3-а горняков, как довернуть обложку, выплывали важные вопросы. Человек заучивался, глядя в юстер. Человек учился петь. Со своими друзьями. И не просто петь — красиво чтобы было. На гитаре.

Ничего в молодости не вышло...

И эта песня учила его больше, чем сто книг...

Там, шло за рекой, замангилась огни...

И эта песня учила его больше, чем сто семинаров. В паразитах, которые хо-

дили от Савеловского вокзала до станции Ивца, человек пил с нас покончить, с наше покончить...», и геронд военных песен были ему братьями, словно он сам, а не его отец, пролил вместе с ними в землянке четыре долгих военных года.

А про него самого песни не было. Ну, конечно, там «Фай — дули-фай-дули-фай» или «На кораблях матросы ходят хмуро» — это не в счет. А танки, которые, как говорили, адресовались ему лично, — эти никто не пелось. И вот странное: человек решает сам написать песню. Нет, не песню, а песенку. Просто так. Для себя. И вдруг он узнает, что его песня понравилась друзьям. Вот это да! Вот это уж никак не ожидалось!

Но в большинстве своем песни умирали, так и не прижившись. Среди них было бесчисленное множество песен про глаза, отпавшиеся друг от друга лилии мастью; синие, черные, зеленые, «голубоветые слезки». Появился штамп. Песни о прилестях туризмов. «Пусть дождь, снег, град, ветер, цинком, антициклонам, торнадо — или другие метеорологические трудности — все равно мы пройдем этот маршрут». Иные: «Как хорошо, что мы проносим», И опыт бесконечный рефрен: «Утеть». Попадались песни и получше, но интерес к ним был для определенной группы людей, предположили, для второй группы первого курса. А четвертый курс, не говоря уже обо всем народе, на них не реагировал. Но среди этих новичков и часто совершенно бесконечных

сочинений стали появляться песни, которые не умирали, которые вдруг сами по себе всплывали, неожиданными путями, скани а другие города, пересягали в другие институты. Они выжили в этом инее не организованно конкурсы, влили в сердца людей проно и надлого, ибо им перед этим пришлось выдержать конкуренцию с песнями, которые были хорошо ормострованы, безупречно исполнены и передали в эфир по всем правилам соответствующей техники.

Из слабого и ни к чему не обязывающего ручейка таковы песни выросли в заметный поток. От стола стали отгравать веточки: песни — размышление, диалог, монолог, раскаян, пейзаж. Из этой песни образовался новый жанр журналистики — песно-репортаж. И если сейчас можно подвести итог, то следует отметить, что, конечно, главное в этих песнях — слова, которые в большинстве случаев отвечают самым придирчивым требованиям песенной поэзии.

Это понятие «большинство» авторов подобных песен не имеет музыкального образования, и сканем прямо, менее талантливы в музыке, чем в стихах. Исключение, пожалуй, составили три безусловно образованных в музыкальном отношении авторов — Л. Любушкин, И. Киличкин. Истия, это обстоятельство не дало отменам и профессиональным композиторов.

В все же большинство этих песен не тяготеет к канонической форме, вымывается из ее рамок и устойчиво. Хорошо это или плохо — безапелляционно от-

верждать невозможно. Каждый раз это отдельный случай, который должен разбираться по основному параграфу, а по дополнению и сноскам и нему.

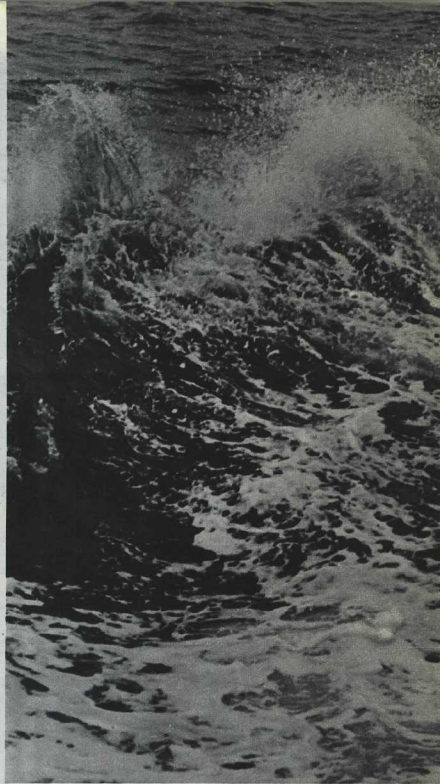
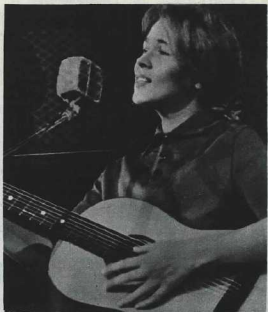
В этом явлении несомненно раз пытались разобраться журналы «Молодой коммунист», «Октябрь». «Историческая газета» в прошлом году организовала большую дискуссию, но суть ее осталась весьма расплывчатой. Кроме того, газета начала эту дискуссию с письма некоего инженера, который критиковал слова отдельной альпинистской песни, выдавая ее за образец самодельных сочинений. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что слова эти — действительно очень плохие — написаны профессиональным поэтом-песенником. Об этом газета пометила упоминание.

Больше всех с этими песнями работает радиостанция «Юность», которая по настоянию решила разобраться в этом явлении и оценить его.

Песни эти называют по-разному. Самодетельные. Студенческие. Туристские. Авторы их — «советские шансонье» барды, менестрели. Можно и еще что-нибудь придумать.

Но дело не в том, как их называть. Дело в песнях, которые говорят сами за себя, не мучались в доказательствах. Дело в самих авторах, и черпают тыщи для песен в любой лаборатории, на своем заводе, на своем корабле или вот в роднике.

В комнате Ариадны Лягушовой слышно, как бьют кремлевские куранты. Дом ее, стоящий в самом центре Москвы, можно назвать перекрестком, где в любой час дня и ночи поют песни, репетируют вокальные коллективы, беспрерывно облетает бесчисленное количество знакомых, слушают новые магнитофонные записи. Ада, как зовут ее друзья, имеет литературное образование и заканчивает музыкальное. Ею написано более восьмидесяти песен, многие из которых — события для почитателей фольклорной песни. Самые известные песни Ады: «Ты — мое дыхание», «Ветер бродит по лесным дорожкам», «Слушай». В конце повара мы публикуем ее новую песню — о Братске.

Птичий гомон будет летний ^{сон}
Раздвигаются мосты, ирланды,
Сидучи обрели фанал,
В эту ночь и у него в ^{гостях}.

Автор «Песни о Ленинграде» Евгений Калычкин проектирует промышленные объекты для сейсмических районов. Во время Великой Отечественной войны пережил блокаду. Его песни — почти философские трагедии об отношении к жизни, к людям, к самому себе. Часть их, веселых, фривольных и юмористических, он называет «физики», «Все люди, — любит говорить он, — я сделаю бы тридцатилетними. Они тогда были бы уже умны и еще молоды». «Песня о Ленинграде» и «Осенняя песенка» — их поют не только молодые ленинградцы.

«Я хочу осчастливить человечество,— говорит о себе молодой физик Борис Полоский.— Я хочу запрячь термоядерную энергию в колесницу человеческого прогресса и мира».

Песни Полоского страстные, горячие, откровенные. Борис любит сражаться с природой, и это в его характере. И не посредством тонких физических приборов, а просто так, прямо в рукопашную. И когда он идет по своей родной улице, неся на своем рюкзаке пыльники с дальних дорог и в сердце новые песни,— это тоже его победа. Борис — автор песен «Музыка ждет», «Знаком нам вид вокзального перрона», романа «Скорьбь облетевших тополей».

Валентин Викторев работает механиком на одном из заводов Ленинграда. Его отец был убит в первом году на той площадке, где расположен завод Валентина. В то время здесь проходила передний край.

Вокруг Валентина всегда большая группа парней и девушек. Это акванавты, ласчлики, любители дальних путешествий. Вместе с ним поют они:

Залогом незабываемых дней
Плещет мир ошибок впереди
не кончатся,
И над ночным спойкойным
небом Ленинграда
На Марсовом огонь горит,
горит,
(«Вечный огонь»).

Самые популярные песни:
«Я бы сказал тебе много
хорошего», «Вечный огонь»,
«Я знаю, что подруга меня
ждет».

Ветер дует по-прежнему с запада. Сила его возрастает, но неожиданно ослабевает, и от этого волнода постоянно меняется ход. Аркадий объяснил нам, что сейчас это направление ветров господствует во всем Азово-Черноморском бассейне. В летние месяцы сюда прикатывает знаменитый азовский антициклон.

Миль шестьдесят пять нам предстоит идти на зойд-вест, придерживаясь пятиметровой изобаты, которая, судя по карте, проходит в миле от берега. Курс — крутой бакизм правого галса. Это значит, что мы движемся против ветра, неся парус на левом борту.

А наск нас четверо, или, как сказал Аркадий, трое в одной лодке, не считая Никиты. Игла — это студентка-биолог из Москвы.

Если говорить честно, все эта экспедиция с самого начала выглядела в моих глазах чуждой авантюрой, но с Гешкой ничего нельзя было поделать. Парень, несомненно, страдал клаустрофобией — редкостной болезнью, которая выражается в полном неприятии нормального человеческого существования. Гешка учился на операторском факультете ВГИКа и мечтал о студии документальных фильмов. Он без конца равсал на простор: в тундру, на Саяны, в пустыни Средней Азии, и черту в дыбу... «Чужство дома», свойственное людям, было ему неизвестно.

Недавно Гешка влетел в редакцию нашей молодежной газеты, проносясь по коридору такой стремительной походкой, что бумаги на столах затрещали, как при внезапном сквозняке. За спиной у него висела на лямке зачехленная кинокамера.

— Через два дня выходишь в море! — крикнул он, хлопнув меня по плечу. — Где кабинет вашего шефа? Я должен договориться, чтобы тебе выписали командировку.

— Один момент, — сказал я. — Если ты действительно собираешься тащить меня в море, то скажи хоть, в какое место. А потом еще одна мелочь — мое согласие?

— Это несущественно. О море узнаешь потом. А сейчас покажи кабинет.

Пока мы шли по коридору — Гешка на два шага вперед меня, — я еще пытался уговаривать его:

— Напрасная затея. Редактор не разбрасывается такими командировками. Особенно в дни уборочной кампании. У нас сейчас одна дорога — в степь, на поля...

Гешка ничего не ответил. Он рванул на себя дверь, обутую желтым дерматином, и переступил порог. Сопроводить его я не решился. Сколов шель мне было все превосходно видно и слышно. Гешка шагнул к шкафу и с размаху опустил на его стол камеру, весившую немногим менее пуда. Потом он сунул ему под нос какую-то бумажку.

Нам редактор — человек выдержанный, уравновешенный и непреклонный — не успел ни удивиться, ни вскрипеть гневом. Он оторвался. А Гешка вывернулся именами всемирно известных кинорежиссеров с таким азартом, словно метал банк.

Я не выдержал и прикрыл дверь. Несколько минут из кабинета слышались возбужденные голоса и какое-то странное сопение, будто там перетягивали канат. Потом из двери выглянул порядком растрепанный шеф. Он посмотрел на меня невидящими глазами и крикнул впустую коридора, как кричат заблудившиеся в лесу:

— Выписывая командировку! Привезишь репортаж с лове халсы на десяти строк.

Через четверть часа мы уже шагали по главной улице нашего города. Я старательно обложил тонкими палками, с которых дождем сыпался воробьиный помет, а Гешка шел напротив, ни на что не обращая внимания. В пути я узнал некоторые подробности. Мой друг решил снять для киноровой работы небольшой цветной фильм об Азовском море. От меня требуется текст и что-то вроде сценария. Гешка уже сваялся с Аркашей Козыревым, который вместе с нами кончал школу и теперь работал инструктором парусного спорта в Приморско-Ахтарском морском клубе.

— Нам дают ял-шестерку при полном вооружении, — объявил Гешка со знанием дела. — Отличные мореходные качества!

Рисунок В. АРОНИНА

РАССКАЗ

ЧУДО СЕВРЮЖЬЕГО ЛИМАНА

— А кто же будет, так сказать, управляетелем парусами?

— То есть как это кто? Ты, я, Аркадий...

— А-а-а, с откровенностью фанатиста протянул я, — тогда все ах...

В Приморско-Алтарском Аркадий встретил нас на вокзале. Он удивился, почему оставили в покое будку котел и измерить объем шароватого кноеса с газированной водой, и сделался похожим на телевизионную антенну. Нам друг был удивительно тощ. Нетрудно было предположить, будто он только что пересел Атлантический океан в резиновой лодке, пытаясь при этом сырой рыбой и планктоном.

Аркадий мало изменился за то время, что я не видел его. В его волосах, видимо, застоялся туман — не утратило привычной асимметрии. Мне всегда казалось, что левый глаз расположен у него ниже правого. Мычка одного уха была длиннее другой. По всей вероятности, это произошло от скверной привычки дергать себя за ухо в минуты крайнего умственного напряжения. Бритая голова Аркадия светилась, как матовый плафон.

— Все отлично, — коротко констатировала она. — Сейчас а в порг. Время — деньги.

Город был продут горячим сквозным ветром. Пыльные выхлопы закрутились на мостовых. Солнце дробилось в окнах и лопово подставилась ледяная полосушка из рингачатных оградам.

Вскоре мы были у причала. Если верить Аркадию, дуд уютничавый жест, и крутые волны греб расшибались вдребезги о железные снаи. Близ причала Тенка заволакут солонной волной щель, лицо его преобразилось, а в арках забрызгала опасная сумасшедшица. Он запустил платерно в спут своей экип, потом выткнул вперед мускулистую руку и, правая лопу «Медведь и медведина», несомненно выкрикнул:

— Прет на рикон Алварек моря корыт... Его кобынка на спине надудала, как парус. Аркадий посмотрел на него специфично и спросил:

— Сколько дней займет этот визит?

— Все будет зависеть от обстоятельств, — пожал плечами Тенка.

— Выждать ли, и должен ждать точно. Я не могу задерживаться.

— Дегн плачут?

— Не в то дело. Навальтывается сплошной пелена мед медиков. Опи, понимаешь ли, соглас плачут помидаропривозная. Плюс зарплата, плюс карачи...

— Ладно, — нахмурился Тенка, — мы не будем задерживаться. Жаль, конечно, что наши ассессования не могут соперничать с финансовою сметой горадарва, и тем не менее я постараюсь, чтобы ты не голодал.

Аркадий смутился.

— Что за чушь! Мы же в конце концов друзья.

— Именно на это я и рассчитывал, — заключил Тенка.

Не откладывая дела в долгий ящик, Аркадий попросил нас показывать свой истинный «ковчег». По дороге я между прочим сказал:

— Шпорит что-то... Как бы завтра не запереть выход из порта.

— Справедливо замечание, — поддержал меня Тенка, поправляя на спине тяжелый рюкзаки. — Остается одно: выходить в море немедленно.

Я готов был откупить собственный язык. Я вскричал:

— Чистейшее фанфарноство! Тебе, шварсер, в детстве рука влоупула в темя.

Тенка расхохотался так истерически, что мычало было полагать, будто мое предположение ему похлестило. Мы подошли к «истерике», затянутаю брезентовым сплоченным челном.

Она поточивалась на волне и терлась бортиком о скалы. Аркадий спускался вниз и начал свистать качло. Лицо его при этом было таким торжественным, словно он открывал памятник самому себе.

У меня полнейший пародок, — заверил он, переступая длинными ногами через уложенную на банках матчу.

В этот момент я заметил девушку лет девятнадцати, которая сидела на причале, свесив ноги в море. На голове у нее была белая косылка. На фоне неба чело так вырисовывался ее профиль.

У меня полнейший пародок, — заверил он, переступая длинными ногами через уложенную на банках матчу.

— Сильфид! — негромко воскликнул Тенка, прелюдия за мои взглядом. — Порождение эфира.

И, пожалуй, смог бы поверить в это, если бы не двукратный прирост, который имелся у девочки на коленях, и яркая сумка импортного происхождения, выделанная за ее спиной. Об этих атрибутах в фильмологе не упоминалось. По поводу Тенки было нетрудно догадаться по солнцем, девушка и вполне казалась сотканной из воздуха.

Пришел Аркадий и стал возиться со своим некритичным кошельком. Сравнивал, что мы собирались бросить, девушка вступилась.

— Мальчишка! — позвала она. — Вы далеко путь держите?

— В царство Аида, — невесело сказал я. — Оно засасывает, и белой экипке свернулись ее зубы.

— Это в сторону Тенюма? — спросила она. — Совершенно верно, — ответил за меня Тенка. — Чувствуется, что вы разбираетесь в географии.

— Возмите меня с собой, — попросила девушка. — Я прозвала ваш катер и теперь не знаю, что делать. Мне только до Сухого гирля. Это так, — махнула она в запад. И ямах этот был так свободен и естествен, точно не руки были у нее, а крылья морской птицы. — Согласна?

Она обралась к Тенке, видимо, подоспелательно чувствуя его глупающуюся положение.

— Видите ли, — замесил он, — у нас строгий отбор...

И вы думаете, что я не пройду испытание?

Тенка кивнул голову.

— Вы верите в существование снежного человека?

Вопрос был настолько неожиданным, что даже я растерялся, но незнакомо и глазом не мог углядеу.

— Конечно, верно, — ни секунды не колеблясь ответил Тенка.

— Ну, а в Большого морского змея?

— Вполне возможно.

— Тогда вы нам подкинете. Котати, как вас зовут?

— Вы же сами назвали: Сильфид.

— Это специальность, а я справляюся, — Кели речт идет о специальности, то я был, — точно, бузунит. А воту Ингу.

— Инга — похвалитесь, а вы тут же представлялся сам.

Следом за ним я и Аркадий протянули руки.

В десять часов мы поставили якорь, отдели фильеры, привели в порядок свои мыслы. На север от нас расстилалась возмолненная равнина древней Меотиды. Вода здесь имела оттонок того цвета, какое я обычно пишу но утрам в студло и так же заблуждающаяся.

Иногда оказывался не порядком молотую. Врединью через четверть часа мы уже знали о нашей полупутце почти все: учился в Московском университете, проходит практику на рыболовской станции, расположенной на берегу соленого лимана, в семи километрах от берега. Когда нет ветра, там ходят в накомарниках. Увлекается географической литературой, баскетболу и танцам.

Инга была сложена пропорционально в классическом понимании этого слова. Ее отличала спортивная грация и необыкновенная легкость движений. Когда косылка выдвигалась пельными волосами.

Даже Аркадий изредка бросал на Ингу оживленные взгляды. Только Тенка был занят своими мыслями.

Чистейшие старики, — говорил он, потирая руки, — придет в Тенюм, попросимся на сей-

нер. Там сейчас каму берут тоннами. Представьте: реки струтсяося серебра, брезентовые боты, облепленные чешуей...

— Глаза у Инги блестяли. Неожиданно он толкнул меня в бок.

— Ударила черт страшный и смотри а оба арчак. Разве ты не видишь, какое небо? Толзушка, как на весеннем снегу! А эти канаренные березы!

— Странно, — нехотю отговаривался я. — Лицо мне кажется, что небо похоже на позвачеряный ацидофиль.

Но я, разумеется, безобразно врал. Мне нравилась и небо, и желтые березы, и пыльное небо под влиянием запахов водорослей, который все еще прелюдился нас.

— Надо быть кретично, чтобы этого не видеть! — обомлала Тенка. Он нагнулся, стараясь рассмотреть какой-то свое бесценную камеру. — Это же красота!

— А какой срок в ней? — вполне серьезно сказал Аркадий.

— В чем это — в ней? — удивленно поднял голову Тенка. — В красоте, что ли?

— Ну да. Что она, собственно, дает людям? Инга огорчено захохотала, и ее глаза осуждительно глядели на Аркадия.

— Чувствую, — деловито всево поляна, — глаубокомисленно изрек инструктор парусного спорта. — Красный дом в современной понятии должен быть непременно уютным. Красный парк, скажем, тоже понятно. Деревья подмаривают нас кислородом. Ну, а что толку в этих комарных берегах или в небе, на котором нет даже парашюйной дождевой тучки?

— А цветы? Как же тогда цветы? — почти крикнул Инга.

— Смотря какие, — пожал плечами Аркадий. — Он некоторых есть тоды: плоды, розовое масло...

Блажит, звездное небо тоже никому не нужно? — В его голосе я уловил нотки неподдельного ужаса.

— Отчего же, там широко поле деятельности для комосонной и астрономической аппаратуры.

Постучав пальцем по лбу Аркадия, Тенка сказал:

— Я вижу, завидую тебе не больше, чем в спортуе горадарво ореха.

— Инга обиделся.

«Странно, — подумал я, — ведь еще несколько лет назад в школе мы дружили и завалили едноклассниками. Наши взгляды никогда не сталкивались, и я не помню, как же закончили те занятия? Или, быть может, он шутит?»

— Хотите, я покажу вам настоящее чудо, какого вы никогда не видели? — оживился Инга. — Только для этого от Сухого гирля нужно пройти пять километров пешком.

— У меня нет времени на пустяки, — жмуро огрызался Аркадий.

— Жаль! — влохнула девушка.

— Что же так на дитявова? — спросил я.

— Раз дитя нельзя, значит, и говорить нечего, — захохотала Инга.

— Старик! — провозгласил Тенка, держа в руках разнервную катушку. Не плачь дучком. Скоро инга здесь откроется удивительно. Непременно откроется, если мы внутренне подготовим себя к его восприятию. Нужна высокая настроенность души, обостренность всех чувств. Вперед, дескать, морских миль!

Честно говоря, я не очень разделял Тенкиного оптимизма. Больше того, я был убежден, что нам предстоит довольно скучное плавание. Я слышал, что в Арском море, изверженном вдоль и поперек, не осталось ни одной снаи, ни одного подводного животного или заговущей кораллы, не обозначенного в судоводительской лодке.

Но Тенка и здесь что-то находил для себя. Время от времени он поднимал камеру, и тогда в шельст воды вылетало тихое стрекотание аппарата. Мой друг успевал снять макс в черных балластах, тусто обламывая гирверы и оттакая стивных неводоу. Уже через час, глядя на Тенку, нетрудно было заметить, как повлила на него новая обстановка. Он стал сдержаннее и спокойнее, словно заведомо в нем жужжала Инга, гнавшая на дуд оборта.

Аркадий же деловито шурлял лад и что-то жужжало. Инга безустанно настраивала свой транслятор, который почему-то слышался, как беззубый стук. Я слышал, Инга плавно гирля и с достатком мне прижималом «создавая дифференциал». Нужно было так выбрать место в шлюпе.

ке, чтобы она сама приводилась к ветру и устойчиво держалась на курсе.

Наступила вторая половина дня, но все оставалось по-прежнему. Плыть было легко, но одностороннее обхождение несколько усложняло. Рыбачьи посылки, причапно возникавшие в отдалении, удивительно уходили друг на друга. Старые вербы домались в потоках горячего воздуха, как изощренные на жаркие ветры. Казалось, это заколдованная кинолента и в сотый раз прокручивает перед нами один и те же кадры. И все же где-то в тайниках души аркадийская доброта, не умеющая злиться, не умеющая думать, не умеющая и недовольство, о чем толковала Генка. Я упорно настаивал себя на восприятие удивительного, но пока что самой большой неожиданностью была встреча с Ингой.

Видя издали на корме яхты с Аркадием и забывая о своем транзисторе, всматривалась в струящуюся даль. Где-то там, теперь уже совсем близко, было Сухое гирло — конец ее путешествия, маленького приключения в ее жизни. Не долго ли он сохранится в ее памяти? Да и кто, собственно, для нее мы или я, в частности? Случайные попутчики. Генка вела адрес. Может быть, он и угадывает с нею в Москве, а мне доверять что ни о чем. Ведь если бы и я вошел в Ингу по-настоящему, из этого все равно, наверное, ничего бы не вышло: я здесь, она там...

И хотя часам вечера неожиданно стих ветер, Паруса нашего яла траурно поникли.

— Вот так номер, — приспустил Генка. Самым страшным для него было отсутствие движения. Он посмотрел на Аркадия. — Что будем делать, старик?

— Терпеть сушки, — серьезно посоветовал тот. — Помогаем.

Инга отоскандила на плывущие сушки и начала старательно возить по нему пальцем.

В ту же секунду парус развалился. Упрямый поток воздуха набил его, словно пустой мешок, и шлопка резко накренилась.

— Шкотов раздернуть! — провела голос Аркадия.

Фок стремительно перелетел на правый борт, и кипель забилась, как перебитое крыло. Но это делалось только одно мгновение. Паруса снова обвисли, и стало тихо.

— Сник ветер, — вздохнул Аркадий и погрузил себя за мочку лодки уха. — Если так пойдет дальше, можно заготовить оплодот. К оплоду. В этот момент я увидел ветру, которая вырсыовывалась на горизонте. Занятые возней с парусом, мы не обратили на нее внимания. Ту-ча была похожа на скрученное в жгут мохнатое полотенце.

— Братцы, — протянул я руку, — на тебе белое сушат.

Но Аркадий не принял шутки.

— На фалах! — крикнул он. — Убрать парус! Шквал идет.

Мы с Генкой рывом заехали за дело, чуть не пришибив Аркадия тыльным рейком. Ту-ча, словно отлитая из пористого чугуна, замето прилипла к морю под ней было совсем черным.

— Руби рангоут! — взревел Аркадий.

Общими усилиями нам удалось приподнять мачту и повалить ее на корме.

— А ну разбери! — Идем к берегу.

Мы не отгребли и ста метров, когда шквал обрушился на наше суденышко. Но пока победил крушной реб с острым торебниками. Направление ветра проследить было невозможно. Казалось, он дул одновременно со всех сторон. Иногда потоки воздуха падали сверху. В эти моменты поверхность воды покрывалась осипками, будто ее прошивали автоматами очередями.

При первом же ударе шлопку сметая развезнуло. Аркадий и Гренка в один поделкала в воду. Мы с Генкой так навалились на весла, что казалось, они не выдержат и переломатся.

Мы гребли, выкалывались до конца, мы дышали врозь, как один человек.

Инга сидела в голубой косынку, и пепельные волосы, закрученные на голове тюрбаном, стегали ее по щеке, забивали по ветру, точно причудливый вымысел. Словно стараясь переключить разбушевавшуюся стихию, она задела:

Каной большой ветер
Плыла на наш остров
С домов сорвал крыша,
Как с молота — пень...

Я смеялся на Ингу. В ее глазах искрилась та же смородиновая, которую я заметал у Генки еще там, в Приморско-Ахтарске.

А рубьем — горе...
Не раскурить трубок...

Глядя на Ингу, мы расхохотались. Нас захлестнуло безудержное веселье. И весла трещали в наших руках.

Ночевали под опронутой шлопкой, постелив на землю пробковые посы. Спать было жестко и неудобно. Грызли комары. Волею стужа, обожженная солнцем кома. Особенно отдалось мне с Аркадием. Освети укрывали наши плечи, как малиновые погоны.

Прислушал от холода, когда гасла последняя звезда. Первым вывел Генка и, пожевав, стал разводить привкус.

А после завтрака все утроем отправившись проводить Ингу. Эти места ей были знакомы. Над главными слонами болелый туман. В наших руках то-то вояло — то ли тычи, то ли оидат...

— Отсюда до Северного лимана всего три километра, — сказала Инга. — Может быть, вы рискнете посмотреть на него мудо?

— А не шикать ли? — начал болеть Аркадий.

— Не волнуйтесь, здесь ее никто не трогает. И я Гоголь, — твердо сказала Генка и пальчиками, как расческой, прошелся по коротким волосам.

Возвращаясь нет, — присоединился я.

Аркадий обернулся к шлопке, пожал когтями плечами и безнадеежно махнул рукой: будь что будет!

Шли медленно, временами прыгая по кочкам. Край неба алая, будто там, на востоке, подожгли сухие камыши. В тумане проступала крыльница яхты. Вблизи в воде пестрелись отливки, как мис с Аркадием. Сидеть было неуютно.

Северный лиман зарос по берегам кутой и тростником. Только в одном месте узкая песчаная коса желтой скобкой обозначала границу между водой и густыми зарослями.

Аркадий спрыгнул на сыр, слегка швыривший песок.

— Это здесь, — сказала она, сматриваясь. — Препинило, вот и дуплится дерево...

Инга подняла голову тумана, скользящую лучами по воде, но необычно большим лютым кушником, вспыхнуло холодными алюминиевыми блеском в водоса девушки.

— Инга, — резко проговорила Инга, и в ее голосе это звучало истеричностью.

Она подняла пустую раковину улитки и бросила ее в воду.

— Но ведь мы уже давно пора быть. Они должны быть, четное комсомольское! Неужели?

В последних словах я уловил не просто горе, а нечто несравнимо большее. Мы стало жалеть ее.

— Но это Инга, — спросил я.

Но в ответ Инга предостерегающе подняла руку. Она продолжала так же пристально смотреть в зеркальную, чуть зеленатую воду лимана.

Я повернулся к Генке, но он лишь недоумоенно приподнял брови. Аркадий в стороне сосредоточено мастерила что-то из сухой тростники.

— Смотри! — неожиданно крикнула Инга, и в ее голосе зазвенело торжество. — И-же говорил! Смотрите, смотрите!

Воле плавящихся на воде синих листьев, покрытых золотым налетом, мы увидели зеленую шар величичной с большой кула. Странная глупая, сжимавшая себя канальцы влаги, которая, издали его нетрудно было принять за круглую лгущую спинку. Он легко поднялся над водой на тонкой стельчатой ножке и, покачиваясь, стрекчав с себя канальцы влаги, которые, подобно искрам, горели на солнце.

Генка шагнул к самому берегу и неожиданно застал в напряжении, несвоевременной посе, потому что именно в этот момент шар достиг и, выскочив, зашелестел о поверхность воды. Инга, как будто ослепленная, встала на колени, а цветок ее рос, увеличиваясь, пока не достиг размеров вольебольного мяча. Вместе с цветком поднимались большие воронкообразные листья.

Я перевел взгляд на лиман и глазами не поверил: за это короткое время успело расцвести множество цветков, а со дня поднимались все новые и новые. Мы в прощали их звука до тех пор, пока мы бутончики слышно не похрились ими. Можно было подумать, будто на воде плавают черноморидиновы мусы, сбивая в тугую пену. Воздух наполнял тонкий, ни с чем не сравнимый ароматом.

— Лотосы, — зарываюно прошептал Генка. — Лотосы, превратились мне на этом месте!

— Уверюют, — не глядя на него, заговорила Инга, что кудрявый бог Кришна превратился в лотос сердце поэта.

— Он понимал, что делал, этот бог Кришна, — кинула Генка. — Он знал свое ремесло. — На ночь лотос погружается в воду. — Инга посмотрела на него и потом добавила: — Говорят, человек, который посылал их, недавно умер. Он был старым и долго болел. А семени его сын привез из Египта лет пять тому назад. В двух лиманах голубые лиманы не прижились. Только здесь оказались подходящие условия.

Человек, сеющий на земле прекрасное. Может быть, этого достаточно, чтобы оправдать смысл всей жизни?

Инга, как будто вывел меня реакцией звука, от которого морю пробржал по коже. Будто кто-то медленно открывал дверь на ржавых петлях. Это Аркадий смастерил наконец свирель. Результаты своего труда он был явно доволен.

Он подошел к Инге и простодушно спросил: — И долго нам еще терпеть здесь? Мы уже не терпится поглядеть на ваше чудо...

Расстелив, мы подальше молчали. Перевышелся Инга.

— То, что ты видишь здесь, — ровным и каким-то бесцветным голосом начала она, — называется лотосом. Сама красота земли воплощена в этих цветах.

— Ну и что? — невозмутимо спросил Аркадий.

— А то, что в его корневни делают отличную музыку. Из него сырыми. Они содержат много питательных веществ и в первую очередь крахмал, — залпом выпалила она.

— Как же сырыми открывали, — добавил я.

На шлопке сидели Аркадий, луно иронично в наших словах, но он усмехнулся и сказал:

— Тогда другое дело... Тогда можно понять...

Он говорил, а сам смеялся на лиман, где среди глянцевых листьев дождливо зашумела дожде расклевывали свои восходящие лотосы и огненными лучами прожигали просвечиваия их летески.

Вард Генка все еще вил сыпучию себя по губу.

— Растал! Камеру не взял. Ведь снимать можно только сейчас, когда они заново рождаются на свет. Не могу простить тебе это. Случилось со мной первый раз в жизни.

— Вторично? — спросила Инга.

— А сейчас мне пора. До встречи, мальчики!

— Что ж, прощай, — вздохнул Генка. — Из воздуха ты пришла, в воздухе и растаешь. Самое обидное, что мы так и не сняли тебя на цветную пленку.

— Не жалейте, у вас остается лиман и все остальное...

Мы по очереди показали протянутому нам холодную руку. Инга подхватила свою неструющую сушку и, не обрачиваясь, пошла по песчаной косе. Она выбралась на тропинку, прошептала в тростнике и забежала на греблю¹. Тут мы увидели ее в последний раз, на одной скамеечке. Она обернулась и посмотрела на нас, а ну-ка руку. Утреннее солнце холодным коетром вспыхнуло в ее волосах. В это мгновение Инга покаялась всем пожехой на цветках лотоса.

На обратном пути мы молчали. И лишь подход к лиману, Генка сказал:

— Надо остаться на день, чтобы заснять это. — На целый день? — воскликнула Аркадий. — Ради чего? А если завтра с утра будет плохая погода?

— Значит, на два дня, на неделю, на месяц, — жестко ответил Генка, привычно запуская латерку в свой густой ежик.

¹ Гребля — насыпь на голтом месте (обс.).

— Но ты же знаешь! Я не могу, — возмолвил Аркадий. — На них лежит магия.

Тогда мощней забирать свою шалагу и катиться ко всем чертям! Мы остаемся.

Это был второй случай, когда Гешка распылился за меня. Но я не пошел в бутылку. Я и так его бы не оставил. Провести стужку о левых хамсах в конце концов не уйдут.

А может быть, я и вовсе не стану писать о хамсах. Напишу о логосах, о чуде Сверхмирового лианава. И об оградительном человеческом существовании, так, как его представляло себе я. Ведь был же человек в том, чтобы целыми днями бродить по колено в стоячей воде, насыщенной семенами, привнесенные с берегов дальнего Чива. И все ради какого-нибудь стального постреленка, обунного страстью открывательства, которым, быть может, однажды поутру развидит тростники на Сорваренге. И тогда клонит ему в глаза голубой пламень зеленого цвета, обожествленного еще народами древности. И это первое открытие уже никогда не нагадывается в памяти. Оно всю жизнь будет тревожить его и внятно звать за собой. В этом и есть великий смысл красоты!

Гешка сидит на коряге, намертво вросшей в берег, и с мрачным видом протряпывает руками ковбойки пластмассовые футляры с объективами. И черту прутком на леске замасловывает узоры.

Аркадий молча подходит к нашим венкам и начинает раскладывать их на две кучи: свое — в одну, ваше — в другую. Делает это это методично и нудно, вроде бы соблюдая таковую полнотность, и старается не смотреть в нашу сторону.

— Примус нужен? — неожиданно спрашивает он.

— Обойдемся, — меланхолически отвечаю я. Все консервы Аркадий аккуратно складывает вазу Гешкиного рюкзака. Поинто: все-таки их покупал Гешка. Батек он вытаскивает перевернуту «шестерку», но для него этого эта работа явно не по силам. Я поинто и без лишнего рассуждений помогаю ему поставить шпильку на киль.

— Продукты мощней поделить поровну, — равнодушно роняет Гешка.

Аркадий колеблется, но потом все же откладывает в сторону две банки тушеной говядины. Он долго раскачивает деревянную заточку в анкер, вытаскивает его и опускает нос в отверстие, похвал, не испортившись, ли воды.

— Ну что, старик, — оживляясь, обращается ко мне Гешка, — будем соорудить временное жилище?

Я гляжу на своего друга и чувствую, как репешность и бывшая энергия снова возвращаются к нему. Ведь для Гешки жить — анализ действительности.

— Будем, старик, непременно, — в тон ему отвечаю я.

— Давай только поможем этому типу сплукнуть посуду.

Вдвоем — Аркадия можно не считать, он только держится за бортик — стигнаем «шестерку» в воду. Дело это простое — оловянный железом киль ванает в сыром песке. Управившись, Гешка шагает к своему рюкзаку и начинает укладывать разбросанные по песку вещи.

И возвращаясь к жару, Аркадий стоит по циркулюет в воде, приглядывая за трапез тапчупою на волнах шпильку. Рыжие глаза его, вне мига, смотрят на Гешку, но я чувствую, я убежден, что видит он не его, а что-то другое, чего здесь нет в данный момент. Выглядит это его бледнее обычного.

— Послушайте, — говорит Аркадий сильным голосом, — помогите выткнуть шпильку. Я остаюсь.

Слова его удивляют своей неосознанностью, но с выражением восторга я не спешу. Так легко люди не могут меняться. Тогда что же это? Просто движение души? Нет, это объект изощренного киль ванает в сыром песке. Управившись, Гешка шагает к своему рюкзаку и начинает укладывать разбросанные по песку вещи.

— Ну, а как поход? — выразительно шуртает Гешка. — Как же этот командировочник, плюс аркадил, плюс хачи?

Под скулами у Аркадия вздуваются буторки, словно за каждую щепу он сунул по кильню. И голос его звучит настолько музыкально зловеще: — Ах, пусть они провалятся, все эти медки!

Роберт КОЗАЧКОВ

А что сказать об Оренбуржье — Июльском, желтом и ступом! Как будто кто-то шерсть верблюдицы Зачем-то набросал крутку. Словенно в степи ходят горы. Круглоголовые, как слоны. У этих гор не то чтоб гордость... Они достоинства помы.

А между ними, словно слонцы, Реушны протымают даль, Как будто вжмут пугловницы Необразимейшую шаль. В ее узорат есть попланья И попланья сидят грусть. Я постигаю их как страны. Но разгадать их не берусь. Зачем мне формулы зыбный голос! Пусть все мессиво, как во сне. Зато я чувствую, как гордость Вдруг поднимается во мне. Зато я чувствую, как завах Степной травы мне в дурит швет, И вижу, как верблюдицей маной Луна ступает в небосвод, И звезды во-над степью кружат, Свешены, точно маякнет... А что сказать об Оренбуржье! Я просто нылсал стиню...

Роберт Козачков живет в Оренбурге. Негативно он стал журналистом с рываше быт и топкере, и интроско, и зоогеохиам.

Его стихи показались мне интересными и живыми: живность сочетается в них с жизненным опытом, яркая образность с глубоким раздумьями.

Я думаю, что наши читатели с интересом познакомятся с творчеством молодого поэта, поверит ему, будет от него много ждать и вместе со мной пожелает ему доброго пути!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Галинзюв

Нас метель загнала и Галинзюву — Позабыв про ступа и стоны, Сидя на конуре, совсем как в Лэин, Чей густой мн пьем из пшаны. Две дочкино, дочин Галинзюва, На кошме полужалят, тикю... Спужают, как как отец, рассказывают Нарисана валахские стихи. Русские слова смешно поверкая, Речь ведет свою старик о том, Что родился старик и здесь...

За старой ходит чабаном — Что глаза у Галинзю уюме — Всех овечек знают манусту, Что ночами звездным и лунным Волны манюют грусть; Что две дочин у него — красавицы (В старину б за них — тубан коней), Что весной они далеко отправится В город — обучаться на врачех; Что багряны на давном острове Богачей своих прогнали волк, А мужички там, каюне взрослые, Страстны борюды, иск он... Но там же маню Галинзюва, Застынуват брови, словно мля... До тура старик чабан рассказыват Нарисана валахские стихи...

В моем сердце много улиц...

В моем сердце много улиц, Много улиц разных площадей. Я проснулся — и проснулся Сразу тысячи людей. Кудит-бродит в моем сердце Вдаль-спереди, во все концы. Это труднее, мы поверять. Если в сердце вдруг жилище. У студенток есть хозьяин, Что друг атридорога. Я и беспальцев, заслепая! И немовне, моя лона. У меня всего лишь просьба: Не устраивайте драк,

Обижать друг друга бросьте, Будьте все, как брату брат. И тогда, вы мне поверять, Дайте тысячи сердец Будут биться, словно в сердце Есть всего один человек. Но концы мои не вынолят. Другая, соррарта, помят. То торопится, то медлят, Стучатся и жмут. И того не понимаю. Мне сердце не храни, Что жилищады занимают Прямо в сердце у меня.

КАК ВЫИТЫ?

КЕМ ВЫИТЫ?

Элла ЧЕРЕПАХОВА Фото А. ЛЕХМУСА

...ОБЕСПЕЧИТЬ В 1966 ГОДУ ПРИЕМ УВЕЛИЧЕННОГО КОНТИНГЕНТА УЧАЩИХСЯ, ОКОНЧИВАЮЩИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ, В УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ ОБУЧЕНИЯ, А ТАКОЖЕ СОВРЕМЕННОЕ УСТРОЙСТВО НА РАБОТУ В РАЗЛИЧНЫЕ ОТРАСЛИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, С ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКОЙ, ТОЙ ЧАСТИ МОЛОДЕЖИ, КОТОРАЯ НЕ СМОЖЕТ ПРОДОЛЖИТЬ ОБУЧЕНИЕ С ОТРЫВОМ ОТ ПРОИЗВОДСТВА.

(Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО РАСШИРЕНИЮ ОБУЧЕНИЯ И УСТРОЙСТВУ НА РАБОТУ В НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО МОЛОДЕЖИ, ОКОНЧИВАЮЩЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ В 1966 ГОДУ»)

Иногда входит в кабинет, волнуясь, называет профессию, которой хотел бы овладеть, и вроч жёстком указывает ему на кресло. Проходит короткие минуты; аппарат, опустившись на голову юнца, журнит, шепчет, усыпляет... Когда молодой человек встанет с кресла, он будет уже не просто восемнадцатилетним пареньком, а дипломированным специалистом. Все, чем прежде люди овладевали в трудах и беганиях студенческой жизни или на ролах заводских учеников, он взял без хлопот, как берут самое простое и необходимое—дуб, воду, соль... Этот день он запомнил как День Образования.

Читатель, веришь ли ты фантастам! Верь. Жизнь показывает, что ученые-фантазеры в своих книгах не выдумывают, а скорей предсказывают будущее. Когда-нибудь все, возможно, будет так, как в описанной сцене. Она взята из одной современной научной фантастической повести современного зарубежного писателя. Но пока... пока все иначе.

Мы идем по Костромскому машиностроительному заводу имени Красина и торопимся подняться на второй этаж, чтобы поспеть к экзамену по токарному делу. Вот дверь в учебно-производственный цех. Он невелик—15—20 человек стоят у токарных станков. Колочие эвоник, челя,— головы слонены, в цехе стоит ровный рабочий шум: это недавние школяры стараются стать универсальными токарями. Мастер время от времени выходит из задней, классной комнаты, вызывает двух-трех ребят, они, выключив стелки, обгерав руки, идут за ним. Класс—обыч-

ный класс: доска, стол, исчерченный формулами и надписями, только стулья необычные, смешные—на одной вращающейся ножке. Также школьный дедал, только другие—из подшефной школы, у которой тут производственная база, политехническая практика.

За столом—комиссия из шести человек: инженер, техник, инженер по технике безопасности, член заводского комитета по работе с подростками, инспектор по кадрам и, конечно, мастер. На столе—чертежи, коробки с разцами разных типов и билетки. Давеш техминимум! Володя Головин вытаскивает билет, беззвучно шевелит губами, но один из экзаменаторов начинает как бы с побочного вопроса:

—Как считаешь, галстук на работу надевать стоит? Для красоты?

—А чего ж! Может пригодиться?—говорит паренёк.—Если сразу после работы пойти там в «Красный танец» на танцы или куда...

—Голова!—стоит инженер по технике безопасности.—А если конец галстука попадет в станок? Кто тебя из петли вынимать будет? А ну скажи, как должен быть одет токар?

Мы смотрим на мастера Вадима Моргунова: он, хотя и сидит в президиуме, открытвенно болует за «ксюню», эрзае, задает наводящие вопросы. Володя выправляется, уверяет, что галстук—он никуда в аиду—можно привести в кармане и надесть потом, а к станку-то, он знает по себе, надо выходить подтянутым, аккуратно одетым, чтоб ничего не висело и не болталось...

Другой чертит в это время эрзае на доске, третий готовится к ответу. Все как в школе. Тол-

ко после экзаменов дадут не дневник с отметками, а рабочий разряд. Если не сразелся. Срежешься — погонят до следующего раза. Также как в школе. И учебные дни на неделю есть, когда подработки не работают, а учатся, сидя за партами. Только называется это не уроком, а «теорией» — так солидарней.

Обучают «теорией» предстоит 100 часов. Это, по сути, школа и есть. Цех ведь носит особое название не зря — учебно-производственный. Он задуман как инкубатор своих, заводских кадров. Нелегкий сюда идет народ. Ребята нам понравились — живые, смелые. Наверное, не обидятся, если прямо скажешь: когда они покинут свою школу, чтобы пойти работать, легче вздохнуть не только они сами, но и педагоги, учителя их. «Избавились». В чем тут дело? Кто виноват или что виновато? Почему не хотели доучиваться в десятилетке? Один подросток говорит:

— А-а-а, надоели! Там, знаете, поселенеть можно от учения... Тут не дают так, не прорабатывают...

Другой:

— Так уж получилось... Мать у нас одна тынет, деньги в семью нужны...

Третий:

— А что делать? Я бы по улице охотней гулял, да вот из горисполкома загнали сюда, а то, говорят, ты вроде тунцадца, в колонию еще попадешь...

Любопытно, что почти все ребята не только работают, но и учатся в школе рабочей молодежи. Я удивлялась:

— Да ведь прежде легче было! Теперь-то и работа и учение — двойная нагрузка.

— Ништяк! Это самостоятельные люди. Зарплату в дом несем.

— Велика ли зарплата?

Ребята мнутась. Нет, зарплата не очень велика, но думайте, что так просто обучится вытачивать все эти шпильки, ниппеля, барашки... Официальный срок ученичества прошел, а с ним и обязательный учебный «пакет» в 25 рублей. Теперь уже твое материальное положение в твоих руках: вот народ, вот чертеж — давай!

Ребята в цехе разные: есть по 15—16 лет, есть по 18—20. Последних, правда, совсем мало. Подростки почти все пришли в отдел кадров с путевками горисполкома. Сложный возраст, сложные обстоятельства жизни.

Самая мысль о том, чтобы создавать кадровый рабочий цех прямо на заводе, кажется мне убедительной. Потом, когда ребята осядут с делом, их выведут в общий, взрослый цех. Это будет годом к семнадцати-восемнадцати. Но до этого с заводских учителей сто лет сойдет.

Когда ребят переведут в общий цех, их встретят старшие товарищи — и не вообще, но как индустриал, а за каждым будет закреплен свой постоянный, если так можно выразиться, куратор, пока парень не привыкнет, не войдет в ритм.

Тут невольно задумываешься. Подростков, по сути дела, передают заводу на доращивание: возраст между 15 и 18 — самый неудобный, возраст самых неосознанных фортели. А у подростков — вся жизнь на первом плане: продукция. Норменатура громадная, забот полон рот, а тут еще одно, требующее колоссальной отдачи дело — учебно-производственный цех, цех подростков.

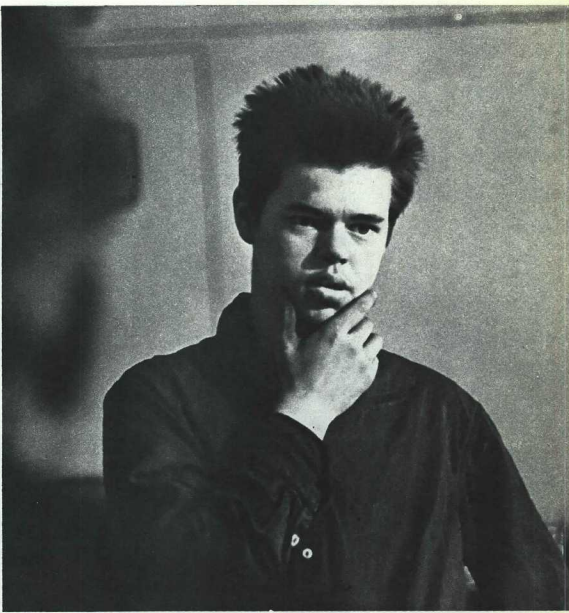
Инспектор по кадрам Мария Николаевна Головаева, маленькая, румяноскулая, курявая женщина, в подростковом цехе за классного руководителя. Она сюда и утром заглянет: Горняча на работе! Кудрявого ничего на материю! Остроумов наконец доволен работой?

И в обед — а шапки поиграть, потополовать с ребятами. Бывает, и после работы — уже домой — своим подопечными: как они жезуют, чем! Встречает ее по-разному. Женя Горняча после первого посещения сказал, смеясь:

— Ну все, дело сделали, да! Можете теперь отчитаться, что все меры приняли — даже на квартире у котятного балы.

Может быть, это реванш за матеогические притчания: «Сделайте с ним что-нибудь! Я вам в ножки поклонюсь!»

Но когда было решение отправить Горняча в колонию, вступились завод, подальше отложить дело же Мария Николаевна Головаева. Взяла на себя. Головаевой приходится влезать в психологию. Раньше она работала секретером райкома комсомола, поэтому не привыкать, но все-таки приходится влезать.

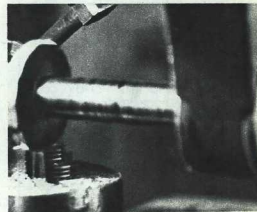

Да, завод — это не школа, не техникум, а функция ему на деле сейчас передает именно чисто педагогического свойства. Смотрят, в учебно-производственном цехе (он входит в состав механосборочного) 19 человеко-часов дают 40—45 процентов выработки. Это подсчеты начальника цеха Д. А. Радлова. Известно, но труд — основа развития общества и личности. Но есть вещи, которые должна делать школа, а не завод. Можно и нужно, думается, создавать цехи, подобные подростковому цеху на заводе имени Косыгина. Можно и нужно находить для таких цехов педагогов-мастеров, как Вадим Моргунов; можно, нужно и важно, чтобы отдел кадров так подробно входил в интересы и нужды подростков, как это делает Головаева.

Мастер Вадим Моргунов — очень симпатичный молодой человек. У него тихий голос, тихая улыбка, тихие, светлые глаза с темными ресницами. Сам он токарь высокого разряда и станок знает как бог. К таким ребята льнут. До этого в цехе был совсем другой человек. По профессии слесарь, а брались токарному делу учиться. Ребята рассказывают:

— Странно, бывало, сморгнет в чертень, а сам не знает что к чему, рассердится, скажет: «Думай сама» — и уйдет.

Срать любил, «двигать на психизму». Ребята его неважно, и вместо него появился Вадим. Сначала Вадима за небольшой рост звали за глаза «мастерком», а потом прошло, признали. Вадим все пропускает через кровь... Вот оборудование в цехе старое, то и дело простои, ребята болтаются без работы. Вот найдем для заточки резцов неудобно поставили — на втором этаже: как наточить нужно — боти вина, 20—25 минут будет потеряно как минимум. Вот защитные очки мальчишкам бы достать поуче. Посмотрите,

лом какой дают в кладовке! Тут что, не рабочие, что ли? Вот Все Кошечку нужно лутевку в са-наторий вылопатать — слабый здоровьем па-рень, не смотрит, что красной! Кончай ра-бота рабочий день, подметут стружку, вытрут станок — айда за ворота. А что там? Кто его знает! Бывает, утром следующего дня звонят на милицию: «Ваш! Что же вы за ними не смотри-те!». В цехе только пот со лба вытирают. Не очень, честно говоря, приспособлен завод для дискуссий о том, стоило ли парню красить волос-сы и красиво ли ходить в брочках с цветными клинками. Не всегда есть время выучить, что шпикоски бовинки отнюдь не лучшая литерату-ра для юношества (Валера Кудряшов сказал: «А что, классико читать? Пробован — скукота. Осо-бенно этот, Тургенев»). Наскогда обстоит дело, живут они в старинном русском городе, чудесно освещенном искусством. И открывать им эти сорорачива. Нюгда устраивать семинары для их родителей на тему «Как воспитывать детей».

Но разве не выстроено бы дело, если бы на заводе существовала лишь база какой-либо профтехшколы или ремесленного училища? Вос-питывать вместе с заводом, а не переключать на его плечи все функции школы или техникума — вот, по-моему, как стоит задане. Речь идет не о тех, кому уже 18, а о тех, кому еще 15—16—17 лет, кого надо «дорощивать».

Новосибирский социолог В. И. Шубин в од-ном из своих выступлений привел любопытные цифры. Оказывается, число юной и девушек в возрасте 17 лет в Новосибирске за 1965—1965 годы увеличилось на 60 процентов, а 18-лет-них — на 70 процентов. Шубин остроно на-звал это «демографическим ударом войны». Дума-ется, что цифры, подобные эти, характерны не для одного только Новосибирска.

Этой весной градет заводной выпуск 10—11-х классов. 4 миллиона 600 тысяч бывших школь-ников выйдут за порог. И это исключая вось-миклассников. Несомненно, будут некоторые сложности. Много, правда, уже продумано, пред-усмотрено. Мне, например, довелось присутст-вовать на совещании, где выступал председа-тель Госкомитета Совета Министров СССР по профтехобразованию А. А. Булгаков. Он, кстати, подчеркнул, что проблемы, связанные с жизнен-ным устройством подростков, на кампанейское дело, а подтверждение чего привел такую циф-ру: в 1970 году школа выпустила 4 миллиона 300 тысяч ребят, то есть всего на 300 тысяч меньше, чем в этом году. В связи с этим он определил проблему трудоустройства подростков как про-блему пятилетки.

Строятся новые профтехшколы, куда сможет поступить не меньше 100 тысяч человек.

Кстати, А. А. Булгаков отметил, что основной контингент для профтехшкол — ребята с 7—8 классами, которые труднее приспособить к про-изводству, требующему технической подготовки, спорных да и просто физических сил.

Комсомольские работники тоже готовятся к трудному ивнешнему лету: беседуют с ученика-ми, с их родителями, заранее проводят в шко-лах анкетирование и опросы, составляют списки тех, кто твердо решил пойти работать. Глав-ное — помочь ребятам найти работу по силам и по душе. Важно не поддаться горючке, спешки, не стремиться «расплатать» поскорей, как-как замаязат щелы и составить благополучный от-чет.

Молодежь интересуется творческой работой. Ей нужна интересная специализация, квалификация. Какая специализация? Не это не каждый подро-сток ответит. В школе, как правило, профориента-ция поставлена на рук вон плохо, с интереса-ми школьников не считается. Сколько уж было написано фальшетонов о школах, где мальчиков учат вязать на спицах, а из девочек готовят по-жарничков! На уроках труда ребята занимаются чем попало. А как нужно было бы готовить лю-дей для сферы обслуживания, торговли, кули-нарии! У ребят же эти профессии считаются немодными, даже можно сказать, зазорными — профессия для неудачников.

Надо кончать с этим принципом — спедаконическим, как называл его с немешкой А. Маке-ренко: «Вас не спрашивают, за вас решают. Надо спрашивать. Надо выслушивать каждого учени-ка, составлять группы по интересам, развивать эти интересы, готовить и труду по призванию.

Тогда, придя в учебный цех, подобный цеху на Костромском машиностроительном заводе, ре-бята осоятся, быстрее «звертятся» в производ-ственную жизнь».

ВАШИ ПЛАНЫ, ВЫПУСКНИКИ?

Сегодня мы публикуем анкету — несколько вопро-сов, ответы на которые поведают нам о ваших пла-нах. Вам, выпускники, предстоит трудное время — нелегкое лето и нелегкая осень: ведь за школьный порог выйдут сразу миллионы школьников, и все сразу одновременно попытаются осуществить свои меч-ты. Что бы вы ни задумали: поступить в институт или пойти на завод — желаем вам удачи!

Но не каждого и не сразу ждет осуществление заветных планов. Ответы на вопросы помещенной нами анкеты помогут определить, как пролягут жизненные пути молодежи. В какой-то степени можно будет судить об общественном престиже той или иной профессии у молодежи, о привлекатель-ности или непривлекательности тех или иных видов труда. Зачем все это нужно? Затем, чтобы понять, как лучше, целесообразнее использовать трудовые ресурсы страны. Наиболее интересные ответы «Смена» опубликует. Автор их навестят корреспонденты журнала. Мы расскажем об этих встре-чах, попытаемся определить причины, которые по-мешали выполнению планов того или иного выпу-сканика.

Итак, ждем ваших ответов с пометкой на кон-верте «Ответ на анкету».

АНКЕТА ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ

1. Имя, отчество, фамилия.
2. Год рождения.
3. Профессия родителей.
4. Собираетесь учиться или работать, где!
5. Что повлияло на ваш выбор, когда он оконча-тельно определился!
6. Какая профессия кажется вам наиболее при-влекательной и почему [моральный и матери-альный факторы]!
7. Какая была специализация в школе!
8. Как проходила политехнизация в школе!
9. Какая успеваемость была в школе, что шло лучше — гуманитарные или точные дисци-плины!
10. Увлечения вне школы [спорт, искусство, наука и пр.].
11. Домашний адрес.

Вопрос не по техническому, но важный.

Сергея Остроумов: «Тут какое-то напоминает школу, но только интереснее и труднее».

Первая осталась.

ДУМАЮЩИЙ

«СЕРЛОУД/ЛЕННИН/ВЕНДЕР» О СЕБЕ

РАЗОБЛАЧЕНИЯ И СПОСОБЫ ПРИЗНАНИЯ

Эти работы, не вынесенные на первые полосы газет заметки, посвящены открытию в США фактов, связанных с деятельностью фашистской организации. Смысловой стержень капиталистического государства — о разрывании фашистской машины напредки — проанализировано в статье «Справедливый суд над фашистскими преступниками». В статье «Справедливый суд над фашистскими преступниками» автор анализирует процесс разоблачения фашистских преступников в США, критикует попытки оправдания фашистских преступников и подчеркивает необходимость проведения справедливого суда над фашистскими преступниками. Автор подчеркивает, что именно на юго-востоке Италии в последние годы фашистская организация была особенно активна. Судебные процессы над фашистскими преступниками в США, автор считает, являются важным шагом к разоблачению фашистских преступников и к установлению справедливости. Автор подчеркивает, что именно на юго-востоке Италии в последние годы фашистская организация была особенно активна.

Судебные процессы над фашистскими преступниками в США, автор считает, являются важным шагом к разоблачению фашистских преступников и к установлению справедливости. Автор подчеркивает, что именно на юго-востоке Италии в последние годы фашистская организация была особенно активна.

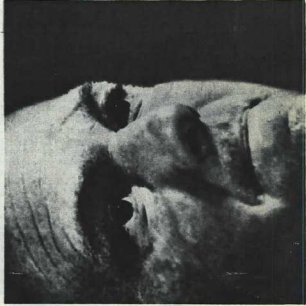
ОМЕНА

«Тайль», США

Преступление иметь семью

Она красивая, он белый, они желати, Одно это бытает из преступным, шитая, где они родились, в штате Алабама. по законам которого мексиканцы браки за-
В марте этого года Милдред и Ричард Лавини приехали еще один район юридическою боя, который ведется вот уже семь лет. В течение этого штата Виржиния при-
ком, запрещающий браки между белыми и негритями. Сюда им и их трое детей гра-
Лавини были и всего семейства. Лавини были в графстве Краули, смеж-
ной Виржинии, где надвигая установилась атмосфера расовой терзости. Никого не
Лавини, который в 1952 году сви-
дельной похорон в Вашингтон. Но когда че-
рих пять месяцев они вернулись на родную
маша ночи и закончилась их пед ставок. М-
стать судьба приговорила Лавинича к собу
лишения свободы, но сохранила отложить
мет границ штата и не возмратится обра-
дольше, что молодая жена младшего парт-
в в ближайшие 25 лет. Назначение Ла-
востановить работу и профессии, с трудом
сводком конца с концами.

Пять лет спустя Милдред приехала на ро-
дильный дом, чтобы жить с сыном. Она была
за все последние годы. Во время суда
запод, она обратилась за помощью к аме-
риканскому прокурору. Лавини решил не
выпускать из Виржинии и отстоять свое
право на брак. Лавини и отстоять свое
право за одной из судебных в Вирджинии. Ра-
смотрение дела «Лавини против Виржинии»
имело в федеральном суде большое значение,
так как оно было первым делом, в котором
бы исчерпан за свои гражданские права.

«ЛЕННИН» АНГЛОЯ

На Диком Западе все по-прежнему

Иная картина, что в наши дни автор
на юго-востоке США, где фашистская организация
на юго-востоке США. Однако, как показал
вещь, последний годовой отчет федеральной
журнал «Дж» старых времен. Но что в
прошлом году, самый последний процент пре-
решениям, которые в том же году были воз-
решениям, которые в том же году были воз-
и прочие государства, которые устраивали
сказаны провозглашены в тех самых штатах
и Дас-Алико (Калифорния), США.
шешен, самым преступным районом. Сом-
стране по численности населения, доко-
Естественно, что этот последний пункт
он, даже отстраняют результаты отчета
ФБР, сообщаящего на статистических дан-
ях, неопубликованных, выходящих с ладом
и в районах автоконтрабанды.
но имеем форму лавины, позволяющую
сравнению с подобной лавиной. Особенно
лучше, поэтому население ометено продо-
рит, что местные власти и логично пред-
обладало таким образом, что население,
литературно-художественную, речевую и бурлесков,

«СЕРЛОУД/ЛЕННИН/ВЕНДЕР» О СЕБЕ

ЭССОВИЦЫ ИЗ ПАРРАЛЯ

В 1961 году эссе в Сан-Хосе по-
ложил помойку штатский человек с
Швейцарского происхождения. Он был
он прибыл из ФРГ и имеет двойное
Грамматический анализ
Парраля обманул свое мнение
обратить на путь истинной веры и
здесь. Вскоре Пауль Шефер купил
Парраля, при тесном контакте заши-
вающего вида и поселил на май 30
мечта — учиться, менять, детей.
ныща переключились на чтение про-
изведений Шекспира, Пушкина и других
из Шекспира, Пушкина и других
свердловского профессора колоритом от
работают». Небольшая переписка
легче. Небольшая переписка на
мелочливости. Работать, заставить
литературно-художественную, речевую и бурлесков,

ЯРНОЙ ЧЕРТОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ ЯВЛЯЕТСЯ НЕБЫВАЛО СТРЕМИТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НАУКИ, ЕЕ УСИЛИВАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВСЕ СТОРОНЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

Л. И. БРЕЖНЕВ. Отчетный доклад XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

ОПЕРАЦИИ

«Малюк, нет ничего поразительнее в истории науки, чем быстрота, с которой оптические квантовые генераторы (ОКГ), или, как их еще называют, лазеры, появились в нашу жизнь. Они еще не вышли из пеленки, но не выпускали ей один за другим, а в научных журналах и даже в газетах появлялись сообщения одной сенсационной друг другу за другой».

«Молодой ученый ослеп, попла на расстоянии в 10 миль под луч лазера, этого современного гиперболаома инженера Гарина».

«Онукунты применяют ОКГ для сложных операций по закреплению сетчатки, отслаиванию ее от глазного дна».

«Невропатологи применяют сфокусированный луч ОКГ для самых точных операций».

«Хирурги экспериментируют с бесконечным световым ножом». [Луч ОКГ, разрезая ткань, вызывает коагуляцию крови по краям разреза, препятствуя кровотечению.]

«Цитологи применяют лучи ОКГ для операции внутри живой клетки». «ОКГ меняет наследственные свойства простейших одноклеточных существ». [Биологи учатся манипулировать лучом ОКГ, определяя генные несущественные информации, и, воздействуя на них, пытаются, пока в простейших случаях, управлять наследственностью.]

«Это, так сказать, одно направление. А вот другое».

«Лазер испускает алмазы».

«При помощи луча ОКГ сверлятся отверстия в алмазном фильтре». [Фильтры — тончайший материал, через который вытекают сверхтонкие нити или волоконца проволоки. Он изготавливается из наиболее твердых материалов.]

«Луч ОКГ сваривает металлы».

«ОКГ испаряет самые тугоплавкие вещества».

«Но довольно загадочно. Их не перечислять. Потоки их не исчислять, а разрабатывать, как лазер. Иная сложная плавка в горячих парах фотона внутри выключаемого ОКГ».

«Десятки и сотни ученых, прочитав первые сообщения, устремились в науку, неизвестную знатокам науки. Сотни тысяч инженеров, почувствовав разнообразнейшие возможности, открываемые лучами ОКГ, по собственной инициативе или по заказу научных разработок различных технических проектов, от вполне реальных до самых фантастических».

«...о скоро горячие головы постылись. Гиперболаома оказались гиперболаома и вернулись во власть фантастов. А серьезные ученые и инженеры, вы, кто отдавал все силы, авечет за собой колесницу прогресса, продолжали разрабатывать, все более фантастические и вместе с тем совершенно реальные проекты».

«Вспомните, сколько раз вы читали о землетрясительной силе туннеля Глубоко под землей, под гордосици туннелями или сквозь горный рудобет, проб проходящий с двух сторон ведут туннель. И вот они соединились. Вместе с проходящими туннелями и туннелями Глубоко под землей, новый курс горного циты, выдержит безупречно ось туннеля несравненно труднее, чем привести корабль в порт назначения. Штурману придется зреть и солдаты, а в сумрачную погоду его выручает радио. Под землей ничего этого нет. Есть лишь простейшие приборы и сложная наука,

граничащая с искусством. Скорю труд маршейдерское неизмеримо облегчается. Ось туннеля будет зримо отмечена лучом ОКГ. Если выработку ведет щип, то автоматы, поворачивая луч, не дадут щипу отклониться ни на сантиметр».

«Но не видел девушек-геодезистов, переносащих тяжелые треноги нивелиров. Недалек тот день, когда портативные ОКГ облачат, усурют и эту трудную работу не только в романтических экспедициях, но и в буднических строительных площадках. Луч ОКГ поможет железнодорожникам «по ниточке» ровнять железнодорожные рельсы, строителям возводить стены зданий—словом, он поможет всюду, где нужна точность».

«Тысячелетия человек пользуется компасом, но, несмотря на столь длительную службу, инструментом не слишком надежным: то точность мала, то нужны кропотливые работы по устранению девиации—мешающего действия больших масс железа на судах и самолетах. А в высоких широтах магнитный компас совсем бесполезен. Слишком далеко на севере или юге он даже не чувствует, где же находится полюс. В таких случаях выручат гирикомпас или радионавигация. Но и они не гарантируют от ошибок».

«Идея применения ОКГ пришла мне и в эту область. Падала на обычные ОКГ и эту называемые «кольцевые». Кольцевой генератор образован тремя зеркалами, укреплёнными на жесткой раме, одно по отношению к двум другим под углом 120°. Если поместить алмазу этими зеркалами смесь гелия и неона и пропустить через нее сильный электрический разряд, то под действием разряда молекулы начнут излучать свет. Только в отличие от обычного, ставшего классическим, лазера на рубине, в котором световые волны бегут взад и вперед между параллельными зеркалами, здесь они будут бегать по замкнутому треугольнику, последовательно отражаясь от трех зеркал, вновь и вновь прохода

Если установить кольцевой ОКГ на вращающуюся платформу, обнаружится, что частота колебаний света, выходящего вперед, перестанет быть равной. Причем разность частот окажется пропорциональной скорости вращения всей системы».

«Именно это и имели в виду ученые. По изменению разности частот они могут очень точно измерять медленные вращения. Если кольцевой ОКГ поместить на корабль, то всякий поворот корабля приведет к появлению разности частот двух световых волн, бегущих внутри ОКГ. Тем ОКГ позволит измерить скорость поворота корабля. Объединяя такой оптический измеритель с точными часами, отмечающими время поворота, можно автоматически определять угол, на который повернул корабль, а это и делает компас».

«Но не слышал о «термоиде!» Получение управляемых термоидовых реакций обещает навсегда избавить человечество от энергетических проблем. Это не фантастика, а реальная задача, как управление погодой и даже климата. Впрочем, об этом наивно множество знают. Естественно, что с появлением ОКГ ученые сразу задумались о применении их для разогрева плазмы. Точные измерения Прохорова, Мандельштама и их сотрудников показали, что пока с помощью ОКГ удается достичь разогрева среды лишь до температуры полимиллиона градусов. Но, надо сказать, что еще не все резаны пущены в ход. И хотя до воцеленных двадца-

ти миллионов градусов предостот нелегкой путь, ученые, несомненно, пройдут его с честью, и мы еще услышим об их победах. Эта область использования лазеров очень важна. Но мне, честно говоря, не терпится перейти к одной вещи, которая мне просто поразила. Впрочем, она поразит и выдавших виды физиков. Я говорю о голограммах».

«Позволение ОКГ позволило в полной мере реализовать возможность замечательного изобретения Д. Габора, которое он назвал голографией. Голограмма в буквальном переводе означает «подлинная запись», что чрезвычайно точно определяет суть изобретения. Голограмма сохраняет несравненно большую информацию о фотографированном объекте, чем обычная фотография, даже чем ее стереоскопический вариант. При помощи голограммы можно видеть объемное изображение предметов. Более того, если взгляд переносит от близких предметов, зафиксированных на голограмме, и удаленных, приходится менять accommodation глаз точно так же, как при рассмотрении самой натуры. Но и этого мало. Перемещая глаза перед голограммой, можно обнаружить предметы под разными углами и таким образом видеть удаленные предметы, скрытые за вперед лежащими!»

«Несмотря на то, что изобретению Габора скоро исполнится 20 лет, оно до последнего времени не имело широкого распространения. Этого тому—отсутствие достаточно ярких источников света, и не просто ярких, но таких, в которых молекулы излучают свет не вразброд, а все сразу. Позволение ОКГ привело ко второму рождению голографии».

«Принципы голографии настолько просты, что при наличии ОКГ и подходящих фотографических пластинок она доступна каждому».

«Простейший фотографический аппарат, иначе говоря, камера Обскура—это просто тонкий листик, в одной стенке которого проделано очень маленькое отверстие, а на противоположной [с внутренней стороны] укреплен фотопластинка. Световые лучи, рассеянные фотографированным предметом и проходящие через отверстие, образуют изображение, фиксируемое на фотопластинке. Этот нехитрый процесс обеспечивается равномерностью распространения света. Если закрыть отверстие, что мы делаем, увеличивая то соответственно передатится и изображение на фотопластинке».

«Открыв сразу оба отверстия, мы получим на фотопластинке наложение двух одинаковых, но сдвинутых изображений. Если увеличим количество отверстий и их величину, мы будем получать все более яркое изображение».

«Голография не нуждается в объективе. Она основана на том, что вся информация об объекте, виде объекта содержится уже в рассеянных им световых волнах. Метод голографии состоит в том, чтобы зафиксировать, особенности световых волн, рассеянных объектом, без непосредственного формирования изображения и без его фотографирования. Идея голографии заключена в возможности последующего восстановления зафиксированной информации об объекте, без непосредственного формирования изображения и без его фотографирования. Идея голографии заключена в возможности последующего восстановления зафиксированной информации об объекте, без непосредственного формирования изображения и без его фотографирования».

«Хотя это все очень просто—мы так привыкли к обычной фотографии,—что методы и результаты голографии представляются как совершенно фантастическими. В самом деле, что может быть

проще! ОНГ освещает два плоских зеркала, стоящих рядом и наклоненных одно к другому под небольшим углом. Каждое из зеркал отбрасывает свет ОНГ на экран. В той части экрана, на которой оба пучка света перекрываются, мы видим узкие чередующиеся темные и белые полосы, идущие параллельно одна другой. Они возникают в результате интерференции, сложения лучей. Поместив вместо экрана фотопластинку, мы зафиксируем эти полосы.

Зеркала могут быть и отдалены одно от другого. Достаточно лишь, чтобы они были параллельны, чтобы отбрасываемые пучки света ОНГ перекрывались на фотопластинке.

Если вместо одного из зеркал поставить какой-нибудь предмет, то свет, рассеиваемый им, частично попадет на фотопластинку и будет интерферировать на ней со светом, отбрасываемым оставшимся зеркалом.

Распределение темных и светлых участков, фиксируемое фотопластинкой, и есть голограмма. Это, конечно, не фотографии, на ней нет знакомого предмета. Но... actually терпима. Поставив проявленную пластинку на прежнее место и убрав фотografiрующийся предмет, осветив пластинку при помощи ОНГ и выйдя за нее, взглянув на освещенную эту фотопластинку со стороны, противоположной зеркалу, мы с удивлением увидим сквозь нее предмет, будто он по-прежнему стоит на своем месте. Мы увидим его объемно. Рассматривая его, можно разглядеть близкие и удаленные части предмета, мы должны будем по-разному фокусировать глаза. Переключая голову, мы увидим предмет в различной перспективе точно так, как если бы мы смотрели через окно, подходя к нему из глубины комнаты. Голограмма преобразует волны света ОНГ в точные подобие тех световых волн, которые рассеивал фотографируемый объект. И, воспринимая этот преобразованный свет, мы уже не можем отличить, исходит ли он от голограммы или от самого объекта. Это уже не подобие жизни, иной мы ее воспринимаем на обычной фотографии, а как бы сама жизнь.

Результат кажется еще более поразительным, если мы рассмотрим голограмму при свете обычной лампы или при дневном свете. На ней действительно нет ничего, напоминающего фотографирующийся предмет. Чудо предстает перед нами во всем объеме, если мы, случайно разбив голограмму, поставив на старое место небольшой обломок и снова включив ОНГ. Взглянув на удаленный кусок голограммы, мы опять увидим отсутствующий предмет целиком! Не кусок предмета, как на разорванной фотографии, а весь целиком. Впечатление такое, будто мы смотрим сквозь отверстие в ставне, закрывающей окно. Если отверстие — ослонюк — очень мало, то для того, чтобы осмотреть весь предмет, придется перемещать глаза перед отверстием.

Этот пример демонстрирует основное отличие голограммы от фотографии. В фотографии каждый участок изображения соответствует вполне определенному участку объекта. Напротив, каждый участок голограммы содержит информацию обо всех участках объекта, отбрасываемых рассеивающий свет на голограмму. Совершенно действие всех частей голограммы лишь увеличивает яркость и четкость изображений. Представьте себе будущее голограмми! Можно будет голографировать целые книги, и для кого-то голограмми можно будет прочесть все текст

П голограмми открывает также перспективы, что просто не знаешь, о чем говорить в первую очередь. Ну, во-первых, применение при получении голограммы и затем при восстановлении изображения три отдельных ОНГ, дваюшек, например, излучение красного, зеленого и синего цвета, можно получить цветное объемное изображение. И после того, как производство ОНГ будет достаточно освоено и их цена понизится, можно ожидать очередной революции в телевидении и кино. Ведь фиксируя на киноплёнку не плоское изображение предметов и сцен, а голограммы, можно восстанавливать изображение в кинотеатре или, передавая голограмму по радио, восстанавливать ее в телевизионных приемниках, оборудованных ОНГ. При этом восстановленное изображение будет цветным и не только объемным, но и стереоскопично, но сохранит все особенности фотографической реконструкции. Переменные глаз зрителя будут вызывать изменение перспектив, а контурность изображения не будет портиться из-за ослабления радиосигнала.

Голограмми открывает новые перспективы и в исследовательской работе. Оказывается, восстановление голограммы возможно и при помощи волн, длины которых отлична от той, при которой получена голограмма.

Потому можно, например, зафиксировать голограмму при помощи рентгеновских лучей, для которых не существует линз, а потом восстанавливать изображение в видимом свете. Более того, голограмму можно получить с электронной микроскопе, потом рассматривать изображение глазами.

Первые успехи голограмми, полученные при помощи обычных источников света, блещут перед тем, что уже теперь получается благодаря применению ОНГ. Трудно даже представить себе, что может быть достигнуто в будущем.

Все-что можно, конечно, предвидеть и сейчас. Если голограмми способна в одной плоскости зафиксировать информацию о трехмерном мире, предстает себе, каким объемом информации может обладать трехмерная голограмма! Развитие голограмми делает возможным, например, такое. На одну голограмму фиксируется несколько десятков страниц, причем во время голографирования каждая страница располагалась на различном расстоянии от голограммы. При восстановлении изображения можно рассматривать его через оптическую систему и, меняя ее фокусировку, последовательно читать все страницы.

Удивительные перспективы открывает сочетание голограмми со сплюснутым оптическим фильмом, которые позволяют отбирать из всей информации, зафиксированной на голограмме, лишь то, что удовлетворяет определенным критериям.

П голограмми — лишь один из разделов оптики, в которой ОНГ врзлупу новую жизнь. Еще более удивительна метаморфоза произошла с оптической связью. Люди применяли световые сигналы уже в глубокой древности. Вспомните о том, как оптика изобрела телеграф, телеграф — это ведь донесли световые сигналы. Оптический телефон появился задолго до изобретения радио, но постепенно радио победило своего старшего соперника. В наш дни оптическая связь берет реванш. Она, конечно, не в состоянии вытеснить радио. Но в некоторых случаях световая

связь оказывается предпочтительнее. Особенно там, где надо передать большой объем информации.

Световая связь, естественно, продолжает наступление в область коротких волн, начавшееся радиотехникой. Это наступление вызвано не только тем, что в эфире, но и там, где для передачи телевидения пригодны лишь метровые и более короткие волны. Применение же дециметровых и сантиметровых радиоволн позволяет передавать одновременно несколько телевизионных программ и множество телефонных разговоров. Но этот путь связан с преодолением многочисленных технических трудностей. Так не совершенши ли, подумали радиотехники, сразу скачок от сантиметровых радиоволн к световым волнам! Ведь пропущена способность оптических линий связи, в которых обычные источники света заменены ОНГ, последние безгравитационны. Цифры, которые при этом часто называются — тысяча телевизионных каналов и сотни тысяч телевизионных разговоров одновременно, — далеко превосходят современную потребность.

Первые опытные линии оптической связи нового типа уже работают и у нас и за рубежом. Они подтверждают самые оптимистические прогнозы. Такие линии могут быть проложены между высшими зданиями или вышками. Не надо, чтобы защитить их от помех при густых лесах, горах или лиственных дождях, они могут проходить и в специальных защитных трубах.

Световая связь ОНГ позволяет легко достичь многого из того, что совершенно недоступно радиотехнике. Но это не значит, что радио потеряет значение. Так же, как газета и радиовещание не заменят, а дополняют друг друга, световые волны дополнят радио в тех областях, где применение радиоволн встречается с трудностями. Например, радиолокаторы и радионавигационные системы превосходно справляются с точным определением больших расстояний. Здесь они вне конкуренции, будь то самолеты, удаленные на тысячи километров, или планеты, отстояние на десятки миллионов километров. Но если нужно точно измерить, сколько метров отделяет шасси садящегося самолета от поверхности аэродрома, то радио уступает место лучу ОНГ.

Если высочайшие радиоволны участвуют в термической обработке стальных изделий, плавят металлы, варят стекло, сушат керамику и древесину, то лучи ОНГ сверлят драгоценные камни и сверхтвердые сплавы, помогают при точнейшей обработке размерных деталей, позволяют проводить спектральный анализ мельчайших образцов... Впрочем, этот перечень столь длинен, что легко можно наступить.

Может быть, пора сказать несколько слов и о том, чего еще не удалось достичь при помощи ОНГ, но что, вероятно, станет реальным в недалеком будущем.

Ученые уверены в том, что мощные лучи ОНГ позволят им по-новому управлять химическими реакциями, а может быть, и сложными биологическими процессами. Ведутся поиски возможности использования огромных сверхмагнитных полей, возникающих в лучах ОНГ, для ускорения микрочастиц. Биологи уже вторглись лучами ОНГ внутрь живой клетки. Но все это только начало. Начало, потому что квантовая электроника лишь вступает во второе десятилетие, а оптическим квантовым генераторам только недавно исполнилось пять лет.

Новая область науки переживает пору детства. Можно было бы сказать, предвидеть, что она принесет в период возмужания.

ДОРОГА НОДАРА ДУМБАДЗЕ

ЮРИЙ МОСЕВИЧ

60 МИНУТ В ОБЩЕСТВЕ ЮМОРИСТА

Меня убивала сама мысль, что я забываю писать очерк о юмористе.

— Ну вспомни хоть что-нибудь маломальски смешное из твоей жизни! — умоляла я Нодара Думбадзе.

— Самое смешное, что я пять лет проучился на экономическом факультете, а молчаливо ответил редактор сатирико-юмористического журнала «Няниги» («Крошечка») и начал прием посетителей.

И затая дыхание: сейчас что-то будет, сама жизнь подскажет мне тему.

Жизнь не подсказывала. Может быть, потому, что первым ее владельцем односторонне самым обыкновенный мальчишка.

— Вы не можете не дать опровержения... — без всякой уверенности сказал он и немолчаливо глазами уставился на крокодилья с пиланами, изображенного на стене.

— Можем, — сказал редактор.

Противная сторона выдержала дипломатическую паузу.

Речь, оказывается, шла о корягольной башне про мышь, которую выдвинули на должность директора сахарного завода.

Директор завода отвалился, попрощавшись разрешив закурить и отступив на заранее подготовленные позиции.

— Тогда дайте мне справку... — Нодар ожилась и начал диктовать машинистке: «Настоящая удостоверяет, что товарищ такой-то с мышью, упомянутой в башне, ничего общего не имеет».

Счастливый директор схватил справку, промолвил подпись и удалился.

Из машинистки, из редактора не услышались.

Мрачность — профессиональное заболевание юмористов. Я этому верю, так как присутствовал на заседании редакционной коллегии. Члены редколлегии уехали почти стола. Мне было известно, что обсуждается очередное номер сатирико-юмористического журнала. Сметаться могут где угодно в конторе управления при обсуждении квартального плана напремота, в бюро по оказанию траурных услуг, но только не там, где рождается юмор. На заседании редколлегии не смеялись. Я вышел в коридор.

Встречу с Нодаром я отложил до лучших времен.

«СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ДРУГ...»

Лучшие времена не заставляли себя ждать. Мне было вручено приглашение в Чохатаур, районный центр Гური, на встречу селской общности со своим земляком — писателем Нодаром Думбадзе.

Итак, мы едем в Гური. Мы — это прежде всего виновник намечающихся где-то там на зеленых холмах торжеств Нодар, фоторепрессидент молодежной газеты Гогамашуридзе и карикатурист Гига Пирджалава.

Прошлое и будущее у горной дороги нет — они вместе на повозок. Гурин состоит из горных складов — вверх, вниз, вверх, вниз. Гურიцы шутят: «Нет на эту землю доброго уюта, разгладить бы, что нам так понаежные степи...»

Но хорошо, что уюта нет. По крутым склонам изумрудными баранками карабкаются чайные кусты до такого же изумрудного, без единого облачка неба.

Нодар смотрит в окно Гური. Скоро райцентр, а выше в гору село Зенобани.

О чем думает Нодар?..

«И лезла на траве и слушала, закрыв глаза. Птица цричала, свистела на все лады. Я подпевал ей про себя и все старался не дышать, пока она не сделает перерыва, но мне не хватало воздуха. Время от времени жердонка умоляла, одним глазом поглядывала в ту сторону, где садилось солнце, и снова начиналась неть. Солнце, огромное, красное, покореженое на круглой медной подосе, лезило сукалось куда-то за край земли, и дома, разбросанные в долине Сулсы, вспыхивали красным отсветом его лучей...»

Так начинается повесть Нодара о деревенском мальчугане Сосо и селской девочке Хатин, которая видела только солнце. Сосопа успокаивал подружка: раз ты видишь солнце, врач говорит, — зрение здорово.

Повесть о чистой любви, о шумных, веселых до озерота, но таких гордых, молчаливых, сдержанных и незаметных в близороте гურიцкая нянцал селский нпрест Нодар.

«Автобиографично», — констатирует критика. Автобиографично — что это, плохо ли, хорошо? На этот вопрос ответил сам Нодар: известное выражение «чтобы написать о бытическо, не обязательно самому жариться на сковороде» — не больше чем фраза. Жариться не надо, не до чего съезти.

Нодар съел свой «бытическо» без соли, из кукурузной муки, в детстве, в войну, в этой самой деревенке Зенобани.

«Машини тронулись. И вдруг слово закатилось солнце, мир разделился надвое. Поезд грурновоег просел, налах брызгало и отпало а вдоль дороги стояли малы: дети, матери, жены, сестры... На траве сыротною валялись инструменты. Старик кальпельмейстер стоял, закрыв лицо руками...»

Мальчишкой, когда в селе почти не осталось мужчин, Нодару пришлось рас-

носить вести, сложенные треугольником, — писью, а часто просто лязговывая знаменами: «Ваш сын...» Одно из таких Нодар до адреса — одинокой старухи — не дошел. Он знал, что значит для нее, живущей ожиданием, такая весть. Малейший потягивок соварица, и она вылезла против дождя: зальда в виноградник, он в озабоченности изворал на мелкие ключи «нохорону».

Однако — случалось — такое — сын вернулся домой. И тогда Нодар открыл свою тайну. Но ему не повезли. Кто бы поверил?

«Я не знаю, о чем думает Нодар. Может быть, он думает о своем детстве или просто смотрит на дорогу».

Высочина из машины на «самой центральной площади Гური», как сказал водитель, мы направились прямо в клуб. Первыми встретили Нодара в дверях старые герои повести «И, бабушка, Илко и Илардон», именно Илко и Илардон собственными персонами, бывавшая что ни на есть гურიцкой дилемой:

— Нодар, не убей ты в повести бабушку, все были бы в сборе...

— Во-первых, имя таких родственников, она пострадала умереть сама, а во-вторых...

— А во-вторых, плати нам проценты за экзепдуацию в книге, в фильме, в пьесе...

Вечеретрчу селской общности с земляком-писателем можно было считать открытым.

Ни в одной рецензии нельзя, конечно, найти той оценки, которую получила здесь автор повестей о своем родном крае. И не потому, что гურიцам свойственно слишком любить «плотот от плоти, кровь от крови своей».

Тот же дом, тот же двор, та же школа, те же люди, и только вот забор обелили новые Бурикеды, Сосо и Хатин. Ты вырос на старых оврагах, но только из одежды. А на что возмуж — осядела, на которую не вырастает. Это родина. Отсюда черпают силу твои корни.

Прошли годы. И могла быть ветреча, вечер, оздравление и красное стужа на столе, и графин, и колокольчик, и чтение цитат и хлебных рецензий в сточлиных газетах. Все могло быть так же, как сейчас. Но не будь духа слов «спасибо, спасибо», которые тихо скакала старая гურიцкая молодому писателю, не было бы народного признания.

Я видел, что Нодара здесь любят уже не потому, что родом он оттуда, что он Думбадзе, а их — Думбадзе — здесь по-деревенски. Здесь платят сторицей — за дружбу друзей, любовью за любовь, с которой он рассказывал людям о любви, и ни о ком-то в отдельности, а о деревне, о Гурин, о Гурини, о целом мире.

И Гурин мы узнавали поздно вечером. А перед отъездом уже в сумерках, прямо на площади, он вое поносил, а вое поносил поносеры размыргавши в лицах отрывки из повести о своей родине — «И язык солнце». Длинношый мальчуган, стараясь казаться еще выше, выдвигал нос в небо и нараспев, как белые стихи, декламировал прозу.

УДАЧА, КАКАЯ ОНА!..

Недавно Думбадзе спросили, почему он забросил стихи.

— Скоро выйдет мой последний сборник, и вы сами поймете, — отпустился Нодар.

Но даже в этой шутке чувствуется позиция автора, умеющего на себя взглянуть со стороны.

В войну знойным летом мы могли жить в кукурузе. Рассказывал Нодар. В ритме движениям я пытался рифмовать. Стихи, если можно так назвать первый опыте, были почему-то о Париже. Первый десяток лет не грек, не вспоминай ты, а гда берешься написать, — вотдаст Думбадзе. — Нельзя расбавить даже по-

средственное произведение о том, что не жалею, не переживаю. Пусть даже ты и не нужен блестящей техникой. Пора великих выдумщиков в литературе давно приквала долго жить. Разумеется, я имею в виду жанр социально-бытового романа, романа повести.

Слушая Нодар, листая журналы и газеты с отзывами и рецензиями на его произведения, я убеждаюсь в мысли, что у молодого писателя, конечно, ставшая судьба.

Судите сами. Изучив экономику сельского хозяйства в Тбилиском государственном университете, Нодар остается работать на кафедре. Но назначившийся педсовет с дилеммой экономиста приходит к молодежному журналу «Цискари» и садится за диктанку. Потом «Ипатри», где он работает по сей день. Нодар описал в тех союздах, которые не только мечтают быть генералами, но и добиваются осуществления мечты. Хотя, если спросить Нодару Дубаде, редакторское кресло — тяжелое кресло.

Когда Нодар и режиссер Гита Лордкипанидзе задумали сделать лицензионную серию, а затем другую повесть, малю что продавали, но в кафе. Но назначившийся педсовет во что: впервые за свою историю МХАТ обратился к грузинской драматургии постановкой пьесы «Я вижу солдата».

Большой драматический театр Ленинграда поставил спектакль «Я, бабушка, Илико и Илларион». Специально, освещая историю театра в Москве, подчеркивали, что пьеса Н. Дубаде и Г. Лордкипанидзе «стала лицом театра», а знав другое место в репертуаре.

В Москве гастролировали и Тбилиский театр имени Маджадишвили, показавший его постановки.

Кинорежиссер Тенгиз Абуладзе и Лана Гогоберидзе сняли по повестям Нодару Дубаде кинофильмы.

Недавно грузинский журнал «Мтаби» заключил публикацию новой работы молодого автора. Повесть «Солнце в ночи» — тоже о перекресток или впереди — наш современник, парень, студент. Манера изложена, как и в предыдущих двух книгах, повествовательная. Но в непростительном раскате об обиходном ступенчатом обиходной судьбы — мечтает, гремит стихами, коротает ночи перед сессиями, аллюблирует — неожиданно выявляются черты общности, и повествование сразу выходит за рамки одной судьбы, когда автор выстраивает его на фоне общественно-политических событий, формировавшихся в целых поколениях отношении к жизни. Используя связывает автор новую судьбу героя с происходящим в стране.

Даже в кругу добродетелей Нодару Дубаде можно иногда услышать: «Ты оптимист, ты даешь надежду». Однако опасения, что творческая личность Нодару Дубаде иссякнет, мне кажется, лишены оснований. А в формах — «Каждая жизнь — роман: человек малю знает, его ожидания» — будто специально скавал для Нодару. Он умеет, он пишет.

Нет автора, которому не хотелось бы задать героя своего произведения вопрос: «Ну как? Правится?» Нодару Дубаде подобно Илико и Илларион скавал: «Очень!»

Я, тоже вроде бы автор, после своего героя показывать эти заметки.

Он читал, сидя под тем же изображением крокодила в клетке.

— Напился, — поприсил меня Нодар, — что я много думаю о том, как сыграет в этом эпизоде Ваше «Джам». Представляю, какое в конце концов состояние у Дева и Метрелия. Ужас. Мы окажемся на последнем месте.

— Я.

— Собрался, брат, сборман... Как видите, просьбу Нодару я выполнил.

ПОВЕСТЬ

ВСЁ ОСТАЁТСЯ ПОСТАРОМУ

— Вы правы, — повторил я. — Вот мое служебное удостоверение. Фамилия моя Каргин, зовут Алексей Алексеевич. Последняя формальность теперь выполнена, и вы можете говорить обо мне совершенно открыто. Точнее, обязаны говорить открыто.

— Я арестован? — бледными губами прошептал Шевцов.

— Не будем торговаться. Каждый в какой-то мере сам кому то служит. Я не знаю, что было в конверте, — быстро, почти шорохотворно произнес инженер. — Повторите слову благодарного человека. Я выпалава чужую свободу. Один человек знал, что я еду в Звенинку, и попросил меня передать этот записанный конверт. Помните? Или нет я думаю? Как отмахнулся интеллигентному человеку в такой густой туманной прощел? Вот вы бы, я уверен, тоже не отгадали бы. Ведь правда? Правда?

— вполне возможно, — согласился я. — Следовательно, выехали в Звенинку не специально для того, чтобы передать конверт?

— Ну, конечно, конечно! — обрадовался Шевцов. — Именно? Это было случайное поручение, притом малоизвестное мне человеком. Мало того, по сути дела, знавшему.

— А что было основной целью вашего путешествия?

— Э... видите вы, я гублю личную, а вы даже никак, интимное, да, интимное интимное дело... Шевцов попытался игнрво улыбнуться. — Мы меня помыслили?

— Именно! — подсакал я. — Вы извините, что стало первым ответом, но...

— Раз так — отлично. И простите меня еще раз, вы встретились?

— С кем? — с нежданным, естественно. Конечно, старая любовь, не так ли?

— Да, да, старая любовь. Увы, не удаюсь. Впрочем, точнее, понаидесь, почти... Може, плохо, конечно, Шевцов. Изобретательности у нас — ни на грош. Один белее нет. Ну, зачем вы так? Именно инденту у вас в инденту нет? И вообще, неч на единичке души.

Да если о вас и была, вы больше всего болелись бы первой встречей. Ведь мы не поладимости, чтобы никто не знал, куда вы едете. Домашина-то вы что сказали, что отправлялись и приехали на дачу, а в марте уехали. Билет взяли до Харьковца, куда дружку ясно, что из Харькова вам и утру после выходящего и началу заметкой вы, что не вернулись. И по какому делу выехали и с кем встречались?

— Именно совсем сини, голова ушла в плечи. И...

— Да-а, оговорился, протатался наедине, не выходя, начала наша самая задуманная беседа. Разговаривать так далеко бессмысленно. Для вас, — уточнил Шевцов. — Дело ваше пригласило. Мой совет — не теряйте попусту времени. Я предложил вам заточиться в комнату. Вы согласились, чтобы беседа шла в кошмо-мешки. Сказку открыто: положение ваше тимовое. Почти безнадёжное. Но почти... Може, переиграйте? Фидел Сантага, что беседа мы еще не начинали. А?

— Хорошо. Я буду открытвенно. Не стану сирывать я, значит, ать в конверте. Чтобы передать его, я выехал в Звенинку. Но я не знавнина, не знаю, куда выехали. Меня удивил.

— Это другой разговор, — с ясной далью пообортил Шевцов, и он, благообразно взглянув на меня, продолжал:

— Я совершенно одиозно ошибся. Огромную ошибку. Боже мой, если бы я знал! В 6 голесе его было неподдельное страдание.

— Да, вы правы, — согласился Шевцов. — В прошлом году я вернулся из Звенинки в Деву и в Звенинку и в Звенинку. В двадцатом году шибато генерала Салаева был прикомандирован к моему полку. Знаете, был такой полк, сформированный полку.

важный из немцев-бронепистов Юга России? С ним и деведал до конца.

— Почему не вы не ушли с остатками врагелешца за границу? Не успели?

— Я извернулся, стал в Крым. Жизнь на чудные меня не привлекала. Кроме того, в Симферополе не было совсем.

— И вернулись и семье. И вот тут-то сделал первую ошибку. Я знал, что, как бывший офицер, обязан зарегистрироваться. Но я побоялся.

Побоялся, что меня арестуют или вышлют, разлучат с родными, по которым я так истосковался за годы войны. Я не пошел на регистрацию.

Я собрал семью, мое-мое искусство, и мы переехали в Николаевский. Я надеялся, что в таком городе, где меня никто не знает, я смогу хоть сполноию, не опасаясь разоблачения. Я хотел только оронуть работу, чтобы избежать о прошлом.

Часто работал, сдани лояльями гражданами. Вскоре я убежился, что често понаидесь такие белые офицеры специально работают, что их никто не преследует, не репрессироват.

— Почему же вы, Иван Михайлович, поше, это, все-таки не пришли в воинскую, не стали но учат?

— Это было мое вторая ошибка. Я побоялся, что меня привлекут и ответственности за то, что я не зарегистрировался вовремя.

— Что же произошло дальше?

— Я работал, продвигался по службе, меня считали хорошим специалистом-бухгалтером. Это мне совсем нравилось, и я начал думать, что, может быть, удастся избежать ареста.

— Но вы же не знали, что вы стали видны для студента, ведь я изобрел свой можи... — Иван Михайлович, Иван Михайлович. Что вы хотите? Чтобы я вас утешил? Ни по должности, ни по совести не могу. Могу только еще раз повторить: много зависит от вас.

Шевцов продолжал:

— В прошлом году на улице я неожиданно встретил сослуживца по Иллариону полку. Больше того, этот человек был а свое время очень богатым. Он очень обрадовался. А я думал только об одном: что мне теперь делать?

— Его фамилия Штурга?

— Вы и его знаете?

— Конечно.

— Я старался избежать встреч, тем более когда узнал, что сам Штурга вовремя зарегистрировался. Но он стал заходить ко мне сам. Со временем я перестал опасаться. Зрелост отнесся но мне больше, так дружил. В том же стал время от времени бывать у него. И наши дочери попутрились у Штурга тоже зрелост. Аня. Потом — Эва. Илья Михайлович, то мы стали видны с вас все время и реже. Зато Яшма — это моя дочь — и Аня Штурга стали близкими подругами. Три месяца назад Лилиа однажды мне передала, что Зрелост встретил вас. Ясно очень, просил меня прийти, он сконфулился, хочет поспидеть, поболтать со мной вечно. Я не стал отказываться. Вы знаете, что я не полюбил, что мы стали видны с вами. Со мной говорил совершенно другой человек. Говорил резко, требовательно.

— Что же он говорил?

— Он сказал, что мир вступил в новую фазу исторического развития. Это были события.

— Что он имел в виду?

— Он говорил, что мир вступил в Германию национал-социализм. Он сказал, что Гитлер — это именно та великая личность, тот человек, в котором нудается наш гиниций мир. Пришел час, сказал мне Штурга, когда истинные русские патриоты должны проснуться, думать и снова встать за оружие, чтобы под эгидой новой, коммунистической Германии прийти к осуществлению истинной России освобождению от большевизма.

— Как вы реагировали на эти речи Штурга?

— Он говорил так долго и, знаете ли, изобретательно, что я начал засыпать. Я сказал Штурга, что политика мне давно не интересна. Но Штурга продолжал говорить, говорил и обманывал, всецело ему почитаться, беспрестанно выполнять его распоряжения. Я был потрясен. Я испуганно пытался отступать, пытаюсь отделиться. И вот тут-то он предложил мне выбор:

Продолжение. Начало см. №№ 8-10.

ные родственники, — подумал Кирилл, — выпустили мальчика на улицу в такой дождь. Мальчишка поплелся по дорожке, а потом, таинственно озираясь, стал по сучковатой корке лезть по дереву, под которым спрятался Кирилл. Наконец мальчик усидел на ветке и закурил папироску марку царя и тихий голос промолвил:

Иди сюда, иди недалеко от меня. Кирилл упустил эту большую ловлю! Это могло значить? Но послушай последователя за мальчишкой! Тот словно не почувствовал ни ливня ни запаха дождя. Заводя голову и глядя-eye в лицо широко распахнутым синим глазам, в которых сверкала таинственная, мальчишеская улыбка, он шепотом сказал:

Пота выжеп тебе перекладку, ты же выжеп улету. Ты зря выжеп, а он сегодня больше никуда не пойдет.

Кирилл гурло хлопал глазами, не в силах вымолвить ни слова.

Пота еще велел вам сказать, что он совсем не тот, за того вы его принимаете и ему жалко, но вы зря терпите, потому что я уже успел увидеть все злыми синими глазами. — Вы знаете, мы не хотели همه пускаться, она болела, но папа сказал: Бойтесь, бойтесь, нечего, это государство сильнее. Помните?

Кто-то такса пошла, а Кирилл с трудом проглотил какой-то сухой моч, застрипав в горле. Это перебрал папа.

Кирилл сделал усмешку и прокричал:

- Передать тебе спасибо.
- Но случайно! — возмущенно распротался мальчишка и бросился бежать через снег, ступая прямо в лужи. Хлопотала дверь домика.

ПЕРМЬ, ВЕРМЕЛЬ,

ВЕГТЕР, ВЕРМАН И ЕЩЕ ВЕРМЕЛЬ

— Ну-ну, только не падать духом, — банально утешил в Кирилл.

Пого там не падать, — ирочно возразил Кирилл, натягивая такую мочу. — Вы же сами поможете, иначе это нам пародия.

Сказано мне, Кирилл, в Одессе вы ничего не проморгали? Может быть, все-таки в Вермаша была какая-нибудь советская стрелка? Вы же в базу не тарели его из мую?

Могли отстрелить советская говоной: — Нет, Алексей Алесенко. А почему вы спрашиваете?

Тут я рассказал ему о Швейцарии. Кирилл правильно на глаза всмотрелся дождю. Оказывается, как бы это прозвать? Глаза его внятно доставили знания.

Как, можно-ли мальчишка пошел марочку Спит с туману?

Нет, не быдайте. Мне только случается один Швейцария выедрать и одного человека из наших Георгий Карлч всемо нам пить дией от-тут.

Так, может, в Одессе обшались? — Голос Кирилла был настолько пронзитель, надоедлив.

Пить же надо, — ответил Кирилл, — здорвенная разница: три недели и пять-шесть дней. — Ходить за ним, — теперь безнадобно делов.

Кирилл опять стал закуривать, сичилью ложась, но он настолько мрачен, полуприкрытыми глазами, потом глубоко заткнулся папироской.

Да, — согласился я, — ходить за Верманом покуда не стоит. В любом случае, Швейцария — великий честный гражданин. Посмотрите, что принесть ближайшим дню.

Может, познакомится с ним?

- Поку?
- Вам самому, Алексей Алесенко. Вы уж с ним в тесном киргалю...

В тесном? Рисунокный, помятул, пущь... А впрочем... Впрочем, сегодня вечер в теннис все равно было нехорошо: лии дождь.

...Следующим утром я отправился в иностранные конторы и сая быкетер.

Последний низменнейший мизгерт, имен-но, в канцелярии подполковника в город в 1923 году, Фавиллия был бы Вормель.

Вермер, Вермель, Веггер, Берман. И вот еще — Вормель. Но являющийся бывающий в Одессе.

Вот еще раз проверить сведения о Георгии Карловиче Вармезе, все даты и даты его низменнейшей конторы, а также сведения о его официальном биографии не забыть.

Оборванные концы никак не желали связываться с ним уже.

- Одно это еще должно осветило все новым и ярким светом.

КАК УЗНАТЬ ШВЕЙЦАРКА?

В Ницианализисе снова приехал Герхард Волф. Волф пробыв в городе шесть один день, он был очень собран и доволен. Не было мизгерт не пропало у него зря. Он побывал на леваторе. В канцелярии паузу порта, Сукуя все в нескольких вагонов хлебного зислоня, стоявшего на товарной станции. Прямо со станции он отправился в контору «Экспортрлба» и только по большому часу он встретился с юриискусольством конторы Вормель и Карлович.

Наскоро пообедав в гостиничном ресторане, улетевшему в контору, он направился в магазин отбыл в Харьмов. Там его ждали срочные дела: в зелятору, на сичилью пункты, во вормелье снакые поеша в контору в контору Урмань.

Волф поминался с Верманом! Значит, этот германский разведчик приехал

в Ницианализисе ради юриискусольства «Экспортрлба»?

Выходит, что, чтобы Верман послал сынишке Кириллу — так он должен был — так как царь вопреки всем аниметам все-таки Георгий Кирилл, Вормель.

Похоже, очень похоже. Хотелось бы в это верить. Но раз хотелось, значит, тем паче верить в это.

Я спросил и аываду, что оставалось одно: съездить в гости к гостиничному контору «Экспортрлба». Присмотреться к нему и его окружению с близкой дистанции. Ведь приближаться к конторе — не совсем безопасно, так как там живут, естественно и органично. Как это сделать? Попробуем.

Завтра поеду и ввараду теннис.

— Разрешите доложить?

— Напада Гамьрт? — отстрелился от Мясдей о Георгий Карлович, надоеливо спросил: да по всему было видно, что у Славина наготове одна из своих прекрасных, спавнящих, спавнящих.

Ну, конечно, так и есть. Но почему вы интересуетесь?

— Вы собираетесь посвятить мне в своем интимном деле? Или нет? Или это? Или нет? Или нет?

— Так точно, Алексей Алесенко, это я. Но дело в том, что мои свидания переросли личные разговаривать.

— Слово излагаете. Давай проце. — Я сам за стол. Славин последовал моему примеру.

— Напада Гамьрт? — перебил я. — Ты пошел по дороге мую?

Славин никак не отстреливался от эти слова и спойно промолвил:

— Напада Гамьрт? — позанимала меня со своей подружкою... Ну, это не совсем подружка, скорее так — одна девочка — была у него.

— Слово, слово за слово — видимо, что это самая Рава работает на судозаводе. Чертежник. Там она знает, смазаны, вертунки, молотки... Преплет этого и обо все. И я решил: чертенько, но лучше мую? — Что тут не шутить, может, окажется полезной. Сышло ей новиллентом, он-завоевательно интересовался.

— И все дилы правда? — И все дилы дельды? И что же я узнаю?

Я уже успел бы узнать. «Что? — итронгуюсь. — Риты Лазикю, — поспокзал я.

— Знаете, интингуете Раю Левандоскую? — Разочарован в тоне Славина я не упустил, но, видимо, ответил он сам себе. Кирилл, как бы устанавливая, что Славин, не мог ее упустить.

— Почему не думаю, чтобы Рава каала нам что-нибудь новое.

— Не думаю, Алексей Алесенко.

Сегодня Славин был поразительно невнимателен. И я старался шлепнуть его уме с интересом. А он, словно покаявшись в том, что хоровое, нашла себе стакан воды, с видными насладением, медленно, маленькими глоточками осушила его, и только после этого снова заговорил:

— Начем-ли Рава свидане. Ну, на разговоры и думаю: куда мне с ней девать? У этом городе не ругающуюсь в нее? Триангально. В тара? Или нет на гастроль. На танцевала? Некогда. Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Слово, здорвоваос с Раей, а с ней еще не решались встать в тесном киргалю... Я же сейчас с вами побуду в таком чудном обществе — вы в тесном киргалю, а я — в тесном киргалю.

— Вертинский? — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

— Стоп, не ори там! Значит, и Лешенко? — Стоп. — Не важно. — И он снова зашел — теперь бра-вурно и отчаянно:

Дага, давай скорей быструю. Дага, твои бивши быструю...

вуть Люда Гульменко. Между прочим, мой отец был царским адмиралом. — Это прозвучало ахемизмом. — Вас это не смущает? — У вас был инстинкт, вы инстинктивно почувствовали опасность.

— Почему же? — Горю по правде, я несомненно смеюся. — Не лгавите, — строго сказала Люда. — Очень много вы смущаете.

— Меня — нет, — серьезно отвечал я, приходя в себя. Неожиданная девушка! И я, видимо, не был единственным. — Кто вы? — спросил я. — Девушка, которая не имеет никаких предвзятых предубеждений по отношению к вам, — сказала она. — Вы же не горбинный, большой рот, матовая кожа и темные волосы.

— Ах, Алексей Алексич! — чуть я нос, «под Вертинского», проговорила Евгения Андреевна. — Как вы близки к имени своего отца? — Евгения наша Людмила, но нежное обращение существование Умаи, томик, интеллигентка. Артистическая натура!

Первый этап знакомства благополучно закончился. Я встретил с Умаи и в следующей комнате. — Разоборав — снова зовут ладом. Все молча слушали. — Полюбовно, — сказала она. — Евгения не приглашала к накрытому столу, пообедали в бутылках и бокалах. Но Евгения Андреевна не могла.

— Вы у нас недавно, Алексей Алексич? — строго улыбалась, спросила она.

— Несомненно недавно. У нас небольшая комплексная научная группа. Мы здесь в далекой маленькой деревне. Вот Людмила Борисовна, например, интересуется историей города. А я занимаюсь зоологией, изучаю насекомых.

— Комплексная группа! — чуть я нос, протянула Евгения Андреевна. — Как это, должно быть, интересно.

— Тут наша содержательная беседа о науке была прервана Завинуя званом. Евгения Андреевна, видимо, сильно хотела увидеть хороших людей. — Откуда раздалась радостные восклицания, и в комнату пошла пара — статная женщина и высокий, златорылый мужчина.

— Я сразу узнал его — и мне стало нехорошо. Нет, это не наоборот. — Кто вы? — спросил я. — Это был Георгий Карлович Верман, собственный лейтенант.

Георгий Карлович тоже меня узнал, и был с ним расхопился, как старые знакомые, и тому же был приятен. — Какое счастье, — сказал он. — Приветствую Карловну, мать их трех детей всею. — Приветная женщина, — сказала она. — Недало он, — как говорится, свет мил. Лена, познанома с...

— Алексею Алексичем Картоным, — познанома я.

— Отличный спортсмен, — аттестовал меня Верман. — В велении туром обрывает его.

— Вы слышали о нем? — спросил Георгий Карлович. — Возразил я, пожимая руку его мне. — Не слышу, — сказала она. — Он человек интересный и дружелюбный. Верман меланхолическая скромность — меланхолическая и нечеловеческая. — Как вы вникли в тему? — спросил он. — Странное восприятие! — Это знало. Во всяком случае, с Карловной держатся как можно проще и естественно.

— Да стои, за стои! — заклопала в ладони Евгения Андреевна.

Когда дамы ушли, мужчины, пошучива, тоже начали рассуждать, выбирать темы. И тут Люда, молния, пополнив ладонь на соседней ступе, маленьким шагом так гланула на нас. — Вы же не слышали, — словно получив меня неожиданный импульс, тотчас не раздумывая, шаг вперед.

— Вышли. Закусим. Опыть завели платочек. Евгения Андреевна была больше всех, не вынул из кармана наманюворенный галстук платочек, и приняла от женщины и рюмке еще более печальный странный вид. Славин в Рот подвали пример — пошлы там.

— Но истинным героем вечера был Степан Славин, могучий старик. Больше я узнал про Люду, Джордж.

— Какое удовольствие, — сказал он, — что вы были не так уж далеки от истины — нет, не в смысле рожденных отношений «Люды-Джорджа» и «Славина-Умаи».

— Я и раньше еще жизнь пролазала по морям и океанам, обобщал чуть не весь мир, подал мне несколько «важных» новостей портов всех пяти континентов, побывав в нескольких из них. Обширный лодочник издается существующим образом в устье реки. — Вы же не слышали, — Степан Славин вышел в отставку, вызвал из Киева дочку Умаи, — сказала она. — Вы же не слышали, — погнб на транспорте, потопленном немецкой подлодкой в соединительном году.

— Людмила Карловича попросил славинскому примеру, пригласил меня танцевать — он чуть рассекнулся почти в восторг в медленном темпе. — Как же! — Степан Славин рассказывал, томясь степу, смешную смеял пачеально, чуть для другой, смешную и кажется, что старый капитан капитан.

— Верман с женой вернулись и стогоу, дава прикуривать свои рюмки. — Вы же не слышали, — сказала она почти не шепотом, — я теперь тоже слушаю капитан.

— Как же мой, — такосило сказала вызвало Евгения Андреевна, — боже мой, какую вывели, которая идет жить с вами. — Вы же не слышали, — спросила — Степан Славин, голубчик, вот вы все же слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Менщины? Они всюду одинаковы, мой дорогой.

— Я попытался «сохранить лицо», произнесла маю-то тиреду по поводу того, что вот, мол, всегда женская рука ударила нашего брата от задницы. — Вы же не слышали, — сказала она.

— И мужичья в России. Так что вам повелоз, усмехнулся.

— Степан Славин, — вышла Елена Викторовна, — вот вы рассказываете и все значитно, забавно и интересно. А вы же, например, приходите же пережить и страшно?

— Нет, — Степан Славин согласился калитан, — да, знаете, человеческая душа так уж устроена, что все что происходит, — это не так уж страшно. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Людмила, момент, и мы потанцуем? — спросил я, удивленным чувством в своем глоссе немаяюую робость.

— Она едва заметно и молча кивнула головой, нет, дама на голову, а только ресницами ее дрогнули, и не отрывая от меня взгляды, поднесла бокал с вином.

— Я ощутил вдруг злую и глухую враждебность и, как будто бы, почувствовал, что я в это самое мгновение впервые понял, что мне чем-то нравилась эта странная девушка. Я сделал шаг, чтобы пойти к ней, но она не двинулась. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— О чем, — она бесшумно, обобщивая взгляд, — она пришла к месту в углу комнаты, они пришли на танец и подошли к месту. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вскоре дверь снова распахнулась, вошла одна в комнату Георгий Карлович и Евгения Андреевна. Верман, смывавшийся, шаг вперед, приобняв ее за плечо, а слева от меня она казалась хохотала до слез.

— Алексей Алексич! — например сказала она, — кто вы славинский сосед? — сказал он. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Разве можно так! Это в конце ночи меланхолическая — человек, который встал, и не стал, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

АДМИРАЛЬСКАЯ ДУХА

НЕ ХОДИ, КУДА НЕ НАДО

Только когда за Людмилу закрылась дверь ее дома, я посмотрел на часы. Посмотрел и присмеялся. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

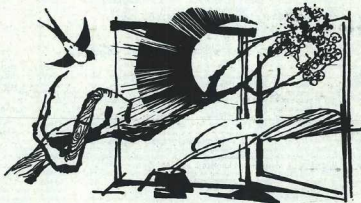
— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

— Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она. — Вы же не слышали, — сказала она.

Признание друга

Я хочу, чтоб утро утром было,
Чтобы в час, когда зряя трубила,
Теплую драмату превозмочь.
Чтобы ночь томное веселье
Унеслось, не требуя похмелья.
Утро — утро. Ночь — ночь.

Чтобы гнать, как гонят отщепенца,
Свежестью воды и полотенеца
Цепенцей лени паралич.
Она расплазнуть, потом газету,
Хлеб разрезать, вынуть сигарету,
Ясность долгожданную постыть.

Чтобы в утро, в золотую реку,
В день рабочий врезаться с разбегу,
Так необходимо нам, друзьям,
Чтобы в чем-то легком и крылатом
Двигалась и говорила рядом
Бодрая, веселая, своз.

Но когда сомнамбула, зевая,
Волочится, шпыльник подбирая,
В чем-то демоническом до пят,
Я кляну бессниие прогресса
И, как древний грек, прошу Зевеса
Громом поразить ее злат!

В Ясной Поляне

От тесноты квартир, от пресноты
Ниспосланного свыше ландшафта
В горы вам не хватало высоты,
А на земле вам не хватало места.

Какая же устроит благодать
Вас, неустроенных у всех времен
И не смогла оседлость оседлать,
Хотя пытались многие владыки.

Пытались и пытали эту прать,
Догадывась смутно и тревожно:
Дневеные мысли невозможно
победить,
Хотя, конечно, попытаться можно.

Летело в ночь от страждущей души
Усталому и сумрачному богу:
— Страданием страданные убавки
И обречи на вечную дорогу!

Так, изменяя собственной родине,
Вы в страстных искали постовства.
Не странно ли — в такой большой
стране
Вы умракли в поисках пространства!

Тесны моря, объятия невест,
Тесна Сибирь, в тесны каждой город,
О, ищущий руки российской жест
И сладострастно рвущий тесный
ворот!

Командорское письмо

Кто стать не хочет диллипутом,
Однжды станет алеутом.

Живи на самой крайней точке.
Скажу по тебе, по дочке.

Писать почаше заклиная,
Песков по острову голая.

Аукцион международный
Из томе гонит [мех не модный!].

К земле простуженной приюжиши,
Ловлю губами капли шинши.

Базары птицы посаеаю,
Цветные яйца поглощаю.

[Шестыми яйцами паскально
Несутся птицы здесь назально.]

Сачком, как бабочек в протоках,
Гольцов хватаю крутобожик.

Ты спросишь: — Что островитяне
И чем живут на острове!

Таскают репу с огородиков,
Солят грибы и шкурки котиков.

Край мелюх ягод, крупной рыбы
И вечной океанской зыби.

И мужества! Здесь темь раястений
Короче человеческой тени.

Здесь на обломке самолета
Ждем самолета и полета.

Так завещал нам Витус Бернг,
И тем прекрасен этот берег.

Однжды девочка одна
Ко мне в окошко заглянула,
Смущенным озарена,
Апрельской свежестью плеснула.

И после, через много дней,
Я замечал при каждой встрече,
Как что-то вспыхивало в ней
И что-то расправляло плечи.

И алазному сиянию глаз,
Улыбке быстрой, темной пряди
Я радовался каждый раз,
Как мимолетной благодати.

И вот мы встретились опять,
Она юкнула и погасла,
И стало нестерпимо ясно,
Что больше нечего терять.

Раньше

Нам говорят: — Бывало, раньше,
Случалось раньше, верь не верь!
Не говорю, что будет дальше,
Но раньше — это не теперь.

Не та весна, не та погода,
Бывала раньше неспроста
Жирней селедка, крепче водка,
Теперь вода и то не та.

А женщины! Одна личина...
Бывало, только похмизнет.
Да и мужичина не мужичина,
А так себе, наборот.

Не так солили и любили...
Попробуй исповедь проверь!
Но ведь и раньше говорили,
Что раньше лучше, чем теперь!

В увеличительные стекла,
Как детство, старость смостриг вдаль,
Там выгадид цыреной Фекиа,
Гуляет наростах феэраль.

Там молодость кричала: — Горько!
А было сладко, говорит.
Недаром старость дальнозорка,
Не отнимай ее услад.

И в этом нет жестоной фальши,
И надо этим дорожить.
Тем и прекрасна рань, что раньше
Жить предстояло людям. Жить.

Фазиль ИСКАНДЕР

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

Ледоход

Плынет в моря весенний лед,
весенний старый лед,
а над тайгой — гусиный лет.
И жимовость цветет.
И горы цветят, как плод,
летуч, как образ твой,
что вьюсь мне жизнь переворнет
заметной синевой.
И я опять живу тобой,
далькой и меей,
моей судьбой, моей бедой
и морем из морей,
куда плыву я
попыма ледом,
лечу я тепло, как гусь,
куда я налитым плодом
однажды оборвусь,
чтоб все же узнать
в конце пути,
на кромке ветровой,
какие грозы и дожди —
за вешней синевой.

Град

Летний град на белых лапах
бродит средь кустов,
ходит с севера на запад,
с юга на восток.
А с горы, как от погоны,
скачет набарга,
мчится в шорохе и звоне
льдястая река.
Притерпелась без цели
к небесной алге,
сень планет
в ладошь мне сели,
как земля, круглы.
Что за сила их, редовых,
и юзник извлекла!
Им невесело в ладошах:
гибнут. От тепла.
Прирак тающей вселенной
я несусь в руке,
сам затерян в белопенной

градовой реке.
Самце
тучи
рвет лучам.
Как бессиловой бог,
я гламу:
самью рутьям
Млечный Путь потек.
Семь морюшек новосомых
сгасли на руке.
Я иду в кустах зеленых
по былой реке —
стремлюсь сам себе и запамя,
устье и исток,
стылый север,
мокрый запад,
утраченный восток,
утвержденный в тьме и свете,
в ливнях и в пыли,
уподобленный планете
на руке Земли.

Лестница

Я ждал в районной маленькой
конторе,
где совещаний столько ж,
сколько дел.
Начальник задержался.
Я со скуки
исследовал пустынный коридор,
где не сидели властные ваттеры,
но было все привычно и знакомо
всеобщее похолодание своей:
дверь на щели, чтоб не раскрывалась
настень,
целая кружка у бачки с водой,
как песик у желвадой конуры,
у замыленной тощей книги жалоб
на привязку скучает карандаш...
Я вышел.
На дворе, еще зеленом,
полузасыпанном листоч осенним,
два мальчугана лестницу чинили —
кривую, к голубятам на столе.
Говорь гупуся, гупуся
и совсем спомался.
Один пошел искать в заборе новий,

другой толкнул нестругаемые доски
и стал ругаться — гупю,
по-мальчишам,
А голуби молчали в тесной клетке,
лишь головы просовывали в щели
и вниз глядели — долго, не мигая.
А перень все ругался и ругался.
Тогда сказала я:
— Дай-ка подсажу...
Парнишка ничему не удивился,
встал на колено мне, потом на плечи,
переставая черными ступнями,
стал открывать заржавленный замок.
А голуби молчали.
Он ругался
из, полусонных, брал из голубятни,
бросал их в небо, говоря:
— Гуляйте!
— Гуляйте! — и швырял как можно
выше.
И голуби
свисающей эскадрильной
поднялись к солнцу,
опустились к пашне,
и выбрали свой курс, и закурились
над этим деревянным городком,

Сложность

Все сложно в наши дни
до невозможности:
не просто жить, не просто умирать,
— а мы еще выдумываем сложности.
О модная наука усложнять!
Мне хочется вернуть значенья
простым словам:
хлеб,
дерево,
вода.
Но сам забрел я в заросли
кромешные,
где все смешалось раз и навсегда.
А за ставнями светит солнце вечно,
а над ветвями — молния и гром.
Как часто мы
в простоте и сердечное
дорогу прорубаем топором,
чтоб в этой муке самовыражения
взрослеть, и жить,
и наводить мосты
от собственного «сложного»
до пушкинской высокой простоты!

который жалу в закрома заспал,
зубь распалая свою, носелась оземь —
и с полным правом шиниковал
капусту,
завалиник чинил, подвинковал резал,
невестам шил лавсановые платья
и ставил брагу —
Тут человек в старинном габардине,
вза за рукав меня, сказал:
— Не вы ли
корреспондент! Простите,
задержался...
А голуби
летали и летали
над этим городком одноэтажным
по кругу —
ниже солнца, выше пашни.
И мальчуган, вцепившись
в голубятню,
все говорил высконки нам:
— Гуляйте! —
и вслед глядел счастливыми глазами.
И я сказал:
— Вас дождь-даль дождю,
вот отстою свое — и мы поговорим.

В ДЕБРЯХ МОРСКОГО ДНА

Ю. АСТАФЬЕВ Фото автора

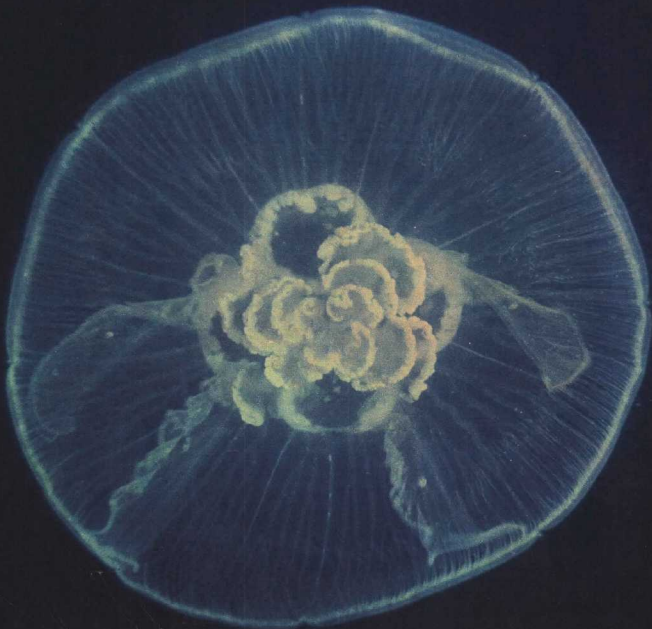
Мы лежим в палатке и ждем погоды. Идет дождь. Можно ждать час. А может быть и неделю. Таково уми Японское море: дует юго-восточный ветер, приносящий влагу с океана. Слабо спокоем, ему привычно: он житель Владивостока. А я волнуюсь. В море плавать нельзя. Я представляю себе, как семчас под водой: среди мрачных скал плывет рыжая перелна мути, в подводных ущельях навсегда темнота.

Где ты, ветер с материна!

В такие дни хорошо: из чистого неба яркое солнце, синее море шуршит по пляжу у самой нашей палатки. Здесь начинается наша подводная дача. Она идет вдоль берега бухты к отвесно обрывающемуся мысу. Там наша контрольная полоса, где мы наблюдаем.

АСЦИДИЯ—животное. неподвижно живущее на скалах.

Сокращая края купола, медленно плывет медуза.

МОРСКИЕ СОБАКИ — ВЕЗОБИДНЫЕ ЛЮБОПИТНЫЕ СУЩЕСТВА.

Улекеваемые подводным течением, медленно плывем вдоль каменной гряды на ярком свете. Вся она прожата густыми, старыми раковинами. В некоторых местах они сложены кучками. Это следы наиболее осминогого, но сейчас их не видно. Наверное, поглотили в свои убежища. Заглядываем в каждую расщелину, под каждую раковину. Рекомещо! Под навешенным козырьком слышишь осминогого, лежит, растопырившись на дне шупальца аккуратно свернуты вольсами. Ярко освещивает свет фотофляшкы. Странное дело, обычно погрозонный осминогой старается скрыться, зато мы не спешит. Фотографируем его еще раз. От вспышки света осминогой вздрагивает, как от удара. Бесположно сверлит шупальцами. Подплываю ближе. Да это же самая собака и сразу на камень встает, раз! Бывает еще

осминого бесположно ворочается в гнезде, выбрасывает вперед пару шупальцев — явно становится на защиту своего потомства. Явчю овалыне, тоненькой ножкой прирелены к камню. Интересно изучить их поближе. Но как взять! Отплываю в сторону и жду, когда осминого успокоится, а затем заливаю с другой стороны скалы. Здесь осминогого камня не видно. Теперь надо отгорочно пробунуть руку между скалой и животным. Перед собой вижу фотоаппарат. Нащупываю гнездо. Но тут варье муть, крунувшись шупальца, захлестываясь фотоаппарата. Еле успеваю выдернуть руку с несполняими выжимки. Фотоаппарат откинуть бесположно. Вряд ли мы сгладимся с осминогого даже вдвоем: ведь света тоже приспособ очень велика. Придется ждать. Длительное воздыхание. Наконец свет его ниже и я ныряю.

САДЫ НЕПТУНА — ЗАРОСЛИ АКТИНИИ.

даем и фотографируем животных под водон.

Маше всего мы плывем без инвентарей в масках. Большею каменными глыбы уходит в глубь моря. На них кое-где видны бычки. Голова у них с твердыми бугорками. Бычки почти сплюснато, уверенно в сквазину полной незаметности. Из можно собирать руками, как грибы в лесу.

А вот волосатый бычок. Живет под скалой, среди водорослей. Мы его забели бородой, за многоклеточные комкистые наросты на голове. При нашем приближении бородой растопыриваются, раскрывают свои плавники и открывают широкие губастый рот — это он пугает. Мы его не трогали. Правда, однажды он нас ударило, уж очень сплюсн был необычный. Бородой не спеши, плывай в толще воды над своей скалой. Туда и обратно, скажи на милость тубольщик. Толстый живот отлив мешочком. Похоже на посебебодную проплунку. Я осторожно подплыв к нему сза-

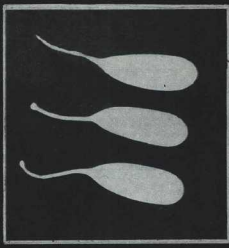
ди и тронул жест. Сделав резкий разворот, борода ринулся вниз, шепнувшись головами о камень и скатился в подножную скалы. Здесь он распустил плавники и превратился в куст бурый водорослей.

Нак красивей необычные щети на скалах, звездчатые — синие, белые, лиловые, розовые. Гирляндой треснувших перестел на две трети. Постепенно глыбы камней перекодет в высокие, остеросенчатые холмы. Между ними атлетиче углубил и троты. Здесь у нас есть пешеходы соорудил, чтобы попасть в нее надо изнурить на две шестая заплыва за маленьким камынем, выслуптем вход в небольшой трот. Через узкую расщелину выводу пробиваются темноты и в них светле скалы троты соорудил, словно покрывает драгоценными камнями. Это заросли кораллов. Начало от этого троты в обнаружил удивительно короткую актинию стрижков. Эти животные встречаются часто, но обычно они темно-коричневые или

красные. Эти же заросли этого щети.

Постепенно ущелье становится шире, стены отвесно уходят в глубину. Дальше — поворот и мы выбираемся в самому воду. Это место является маршино. Я протискиваю подводной охоты. Сидя со мной сидели. Но я знаю, что для него это определенное жертва. Когда нам надо будет идти, я иногда в нарушении принципов прошу его. Вспомогательный шаг (это подделка маршанки от нас далеко). Влага. Сиди тихая, робость в руках пометается, кончик черес пометке на наших скоространом троты, прикрываем морских охотников, трутов. Как это ему удается не почув. Я до сих пор не могу сфотографировать эти стремительный рыб.

Но наши контрольные полеты над осминогой. В это время года они изобилуют медузками, погрозонным солнцем, теплыми вода. Приходится нам погружаться с оборудованием у дальнего свала в темные глубины.

Оставаться под бордой мы можем считанные минуты. Но вот осминогой задвигалась ересь и шупальцами выплывает добычу наружу, и фотоаппарат молниеносно перемещается в подножную скалы. Последнее, что я вижу, уже поднимаюсь и поверхность осминогой струится воды, но совсем верхний промывает складку вниз от освещен муть.

НА СНИМКАХ СЛЕВА В ВИДИТЕ САМОГО ОСМИНОГО. КОТОРЫЙ ВЫСЫЖИВАЕТ ПОТОМСТВО В ТАКОЕ ВРЕМЯ ОНА ГОТОВА НА ВСЕ, ЧТОБЫ ЗАЩИТИТЬ СВОЕ ГНЕЗДО И ВСЕ ЖЕ НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ УДАЛОСЬ ВЫТАЩИТЬ ИЗ-ПОД НЕЕ ТРИ ЯИЦА. ЭТО ЧРЕЗВЫЧАЙНО РЕДКИЙ СЛУЧАЙ.

ВРЕМЯ.

ВСПОМНИ СОРОК ПЕЛЬВ

«Вниманье! Вниманье!» звучит голос дирижера. — Сегодня, 22 июня 1941 года, фашистская Германия веером напала на нашу Родину. Пауза. Актер в раздумьи проморгивает, обращаясь и залу: «Стоит ли было вспоминать? Братья с собой в дорогу, в дальний путь? Все равно ушли бы не похорить, все равно ушедших не вернуть...»

«Спроси у памяти» — так называется литературно-музыкальная композиция. Участвуют четверо артистов Москонцерта Герман Лаврусов, певцы-солисты Иван Громский и Николай Зайцев, балет Анатолья Люи

чичи. Если бы это был спектакль в обычном понимании, то можно было сказать, что в главной роли — Герман Лаврусов. Его участие — это старшинство, на котором держится композиция. Обладая большой силой впечатлительных средств, молодой актер сразу привлекает и себе внимание зрителя.

И. Громский и Н. Зайцев давно рекомендовали себя как исполнител

ей песен военных лет «Землянка», «В лесу прифронтовом» и многих других. И сейчас они хорошо дополняют выступление Германа Лаврусова. Выступление — это не точно сказано. У молодого артиста сложная и многогранная роль. Ни грима, ни декораций. Никаких театральных атрибутов. Артист один на один со зрительным залом. На фоне мелодий песни «Память» он обращается в зал:

Время, пашли до отхода перья!
Прощай, исполни сорок перья!

...В бою погибает друг. И, когда заканчивает артиллерийский «грохот», фронтовые товарищи корчат тело юноши. «Тан и бессмертье вошел твой товарищ, твой брат!» — заканчивает выкриком Г. Лаврусов. И, как бы продолжая ее, И. Громский и Н. Зайцев исполняют песню «На безымянной высоте». Кажется, все что Германа в эти минуты ничего делается на сцене. Он мог бы уйти, «выплыть на берег». Но артист не бегит паизу. А ведь известно, что играть паизу — самое трудное. Пауза Г. Лаврусова — выразительная и запоминающаяся игра. Вот он молча силенко молени над своей могилей друга, яростная ненависть и врагу и боль утраты одновременно отражаются во всем облике артиста.

В этой же композиции присутствуют и Василий Теркин. Многие артисты исполняют известную поэму. Кто с изменениями, кто с большими успехом. Герман смог найти свои краски для задуманного облика русского солдата.

«Спроси у памяти» — это не только воспоминание о войне. Это и разговор о мире. О сегодняшнем дне. Молодой артист от имени своего поколения говорит: «Я остался навсегда солдатом». И песня «Пусть враги запомнят это» завершает композицию. Прежде чем Г. Лаврусов решил играть артиста-астронавта, он трудно, порой мучительно искал свое место в искусстве.

— У меня были две страсти, — рассказывает Г. Лаврусов, — геология и сценна. Учился в университете на геологической факультете, а одновременно играл в театре. Это не было просто досугом. Я жил этим. Но я любил и геологию. И был в сменении и не сменении. Отдаю предпочтение. Я решил посвятить себя в народная артиста. У меня были результаты. Понятливо. Он порекомендовал мне попробовать себя саву в театре. И я поехал в Павлов-на-Оне, в маленький драматический театр.

Играть в веселье спектаклях. Переоформил сезон и понял: что стать артистом, надо иметь способности, надо иметь запас знаний и жизненных впечатлений.

Герман поступил на завод и поработал там три года. Со сменой он не расстался. Стал за это время чтецом и выступал в концертхр Польского филармонического ансамбля в «Двоякой индустрии». В фильме «Степная расцветка» сыграл Максима, своего современника. В фильме «Две жизни» исполнил роль солдата-революционера.

Испробовав себя в разных жанрах, Лаврусов понял, что только астронавта отмечает его интересной индивидуальности. Композицию «Спроси у памяти» зрителям показывает с глубокими интересами и волнением. И.

Д. ИЛЬМИНСКАЯ

А. ЛЕСС

Фото автора

В апреле с большой успехом прошёл мюзикл в СССР солистки малянского театра «Ла Скала» Маргарита Гуляельми. Ее выступления были заметными событиями в музыкальной жизни нашей страны.

Артистическая судьба Маргариты Гуляельми сложилась необычно. Прослушав два года в театре «Ла Скала», молодая певица так и не спела на его сцене ни одного спектакля.

В 1964 году она приехала в Москву с театром «Ла Скала» в качестве Маргариты Рената Сютто — исполнительницы партии Лючии в опере «Лючия ди Лавруччи». Рената Сютто была в отличной вокальной форме и пела очень спонтанно, за артистичность. А в это время Маргарита Гуляельми жила в Москве «на вселенной скаучай». Шли дни, недели, и она уже совсем отчаялась выступить перед москвичами, как вдруг перед последним спектаклем Рената Сютто почувствовала себя не совсем здоровой, и Гуляельми выдал тот самый «случай», после которого она приехала в Москву.

Маргарита Гуляельми блестяще спела партию Лючии — одну из труднейших в мировом оперном репертуаре.

Так дебют Маргариты Гуляельми в театре «Ла Скала» состоялся не в Милане, а в Москве, в Большом театре.

Затем она участвовала в телевизионной передаче «На огонь», в заключительном концерте артистов «Ла Скала» в Кремлевском Дворце Спелев, в концерте для студентов МГУ, которые преподнесли певице в знак признания юбилейной высотой чуть ли не в метр. От выступления и выступлению возраст успех певицы: москвичи помнили ее и запомнили.

Перед отлетом в Милан Маргарита Гуляельми сказала мне: — Я считала Москву своей второй родиной. Ведь именно здесь, в Москве, и родилась моя солистка «Ла Скала». Мои мечты — вновь пожить в Москве.

И эта мечта сбылась.

Ю ПОВОЙ ВСТРЕЧИ МАРГАРИТА!

Павел ХМАРА

«Я так живу, что дело было еще вчерашнее в гробу!»

Ф. Чу. в. сборник стихов «Год рождения 41-й», стр. 10.

«И покинувший сноиведения на спавлящие купола.» Там же, стр. 15

«И по утрам аврородою, нам дегти, плачут без меня.» Там же, стр. 67.

СРЕДИКО ЧУБ

Порой мне не верит дяде, (и верю сам себе едва), (и родился в фаворитке в летлю двадцетого 010-2).

И в самом дестве обнаружил всю радость летного труда: ни ребеном была в лужу, а и покинул туда.

И вырос на аврородо и был им так заповожен, что спал на голом аврородо, а натравлялся виражом.

ПАРОДИИ

В свой второй приезд в нашу страну Маргарита Гильельми посетит Ленинград и Москву. Она выступила в операх «Лючия Ди» и «Севильский цирюльник» и, кроме того, дала три концерта. Два из них состоялись в переполненном Большом зале консерватории.

В своем первом в «Риголетто» на сцене Кремлевского Дворца съездов Гильельми создала трогательный образ любящей девушки. Тоскующая — красное, зловонное сопрано — звучал легко и свободно. С подлинным блеском она исполнила трудную партию, и публика наградила ее овациями и цветами.

В свою концертную программу Гильельми включила арии из опер Моцарта, Доницетти, Верди, Пуччини, популярные итальянские и неаполитанские песни. И вновь наша гостья продемонстрировала великолепные вокальные и исполнительские мастерство. Ее голос благозвучно и выразительно звучал, она много и охотно бисировала.

В малейшем номере программы «Начесть» я беседу с Маргаритой Гильельми.

— Вы заинтересованы, как сложилась моя жизнь после приезда в Москву? спрашивает Гильельми. — Могу сказать только, что в Москве я не была. Это время я spenta на сцене «Фон-Дон-Жозе» и «Вильгельма Телля». Кроме того, я много гастролировала: пела в Гене, в Дублине, Лозанне, Вене и Флоренции. Во всех этих городах я пела мои любимые партии — Лючия, Деметрио и Розина.

— Вы не представляете себе, как в разгар, когда все всегда вновь приехать в Москву! До сих пор я помню тот необыкновенно теплый прием, который мне оказали ваши студенты. Истари их поклон — деревянный ящик — это мой любимый предмет. И самое приятное, и всякий раз, глядя на него, я вспоминаю наш великий город. Большой театр, вашу сдержанную и добровольную помощь публичу.

— В моем издании памятной осени 1964 года приблились новые, полученные темой, что в Нижне-Пензенске и Москве. Эти впечатления не угасают и прекрасны. И я уже сегодня думаю о новом приезде в вашу страну.

— До какой встречи, Маргарита?

— Мне еще варить в безвознаде, еще узнаю мои шляги, известности, что твои соборы, вылили дружно «ипачин».

И я впитал в себя весь этот пылостной жизни дух и прах, а потому, сплывавшая погорм, заветелься ей в стихах.

— И в шае чом (аналд) — так во времена авланногого дубина усония бировой, самодет ий-й!».

— Не следует пугаться с доминирующей тенденцией, отличавшейся иррациональной несообразительностью.

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

РОМАН СОЛНЦЕВ

Годовые кольца

Нередко еще выкоплет потресканные и выщипанные листья, нем на подпорках, деревьях на предельных, аннотациях. Об авторе слышались сообщать, что он хлещался, учителем, санструктором. А стал ли ласовым? А стала риторический вопрос зачастую не

получается утвердительного ответа, учитывать в стихи. Роман Солнцева стал поэтом, будущи сначала физиком, потом повсюдуном геологического отряда.

Третья нииника стихов Романа Солнцева «Годовые кольца» — серьезная его попытка там или иначе удержать себя, молодые свои годы, свое поколение, в тяжелой трудной клетке — вовсе не для того, чтобы спорить о физике и лирике. Обращаясь к своему учителю Илье Сельвинскому, поэт пишет: «...по сантиметрам я плетусь связь юности: торты и лилии, как муравей, по миллиметрам перекапывая и молчию... Над атомом я коплю, но эти, эти миллиметры раздвинуть могут все атомное — прыгунья белого огня».

Пружина поэзии раскуривается, как «пружина белого огня», одарочная открытием и тогда возникает ощущение сопереживания и малым восторгом дниши человека.

И мне другу спичку подари, и мне вернет ее кострашк. Я руку для новытай отдам, мне прогнутавай котурк.

Роман Солнцева, «Годовые кольца» Стихи. Издательство 1965 год.

Или — о счастье:

Я, бегу, обиды и печали, шлоп ретушиа детств, Дождь слезой, души козыды и причали. Пусть мой стрелени не выскочит зезу! Песени — соната! Радуйт, воим молля кончалши за уши, как шеорок счастья!.

В каждом годовом кольце Совиаша мигает: прежде всего не подробности жизни, хотя он и всматривается в миллиметры. Он видит мир обширно, широко. Есть Сибирь — «Отрыши алмазное сердце Сибирей». Есть метель, как извешный вывоз мешаншуй и заступо — «Где то гревет прибой, где то гулет прибой», счастья будт и есть, если все это не где-то, если не где-то, а здесь!.

Одним словом, есть точное и не-повторимое ощущение современности.

«И в фокусе и нет меня», — признается Р. Солнцева. Верно, не он, и весь этот мир красок и ощущений его мир, но что-то такое очнется, что он остановился на мгн, стрикнул с поховых сагод пыды-дылострашнй и убавил с пыхы, вышибил, замыной улыбавшей своей матерю пост разалуи. И тихо, выногаюса, поведла себя. Очневаяи она спазела нам, что небо — «чужбинаи газз эселенной». А теперь мы хотим увидеть его глаза. И те

подробности его жизни и странствий, которые торопят разгнать и разгнать горбин и эшелонной. Иначе гураи, вые хоти, почему хочет он сам — увидеть поэт — и его мир не раздробленным и отрезанным в гигантских лепестках турбулин, а собраным в фанусе зертнорильного бытия. Он затнрировал нас, зверя в слонный мир, фито расделенный незнакомями образами, по-новому, ассимиляционным предмети, и читательно ложась, чтобы чуть проткнули себя и звук. Чтобы дан возможность взглянуть в те самые миллиметры, которые рассматривал физик, но о которых не успел еще, восхищенный жизнью, поведать поэт... И только высосание жизнью, но и «спонисташе назделенного скаффале».

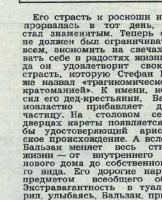
Мое спонисташе — спонисташе назделенного скаффале.

Моя медлительность — медлительность Бифордова шуара.

Дерево растет и набирает силы. Своею новью, стратанные в нем, нанизавовет, оно не тонет. Оно и вилет новым колесом в песте, ман в дереве жизни, Бугу. А где там? И что там? И что ощущения, которые заступо — «не наше лобети — новые иинги».

Александр БУТГАРОВ

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

Его страсть и роскоши и богатству порывалась в тот день, когда он стал знаменитым. Теперь он больше не должен был ограничивать себя во всем, вникать на сечах, отказывался от удовольствий. Все возрастало, которую Стефан Цвейг поила назван «эрикономической истиско котрамоян». И имени,יותר ноща его дндространияи. Вальдез мискометливо прикарбалт двоюродную частану. На столовом серебре, на левах, карты появлялись при, ман мы удостоверялись аристократическое происхождение. А в послед Вальдез меннет весь стиль своей жизни — от внутреннеи убралеи до внешнего. Вальдез меннет весь стиль своей жизни — от внутреннеи убралеи до внешнего. Вальдез меннет весь стиль своей жизни — от внутреннеи убралеи до внешнего. Вальдез меннет весь стиль своей жизни — от внутреннеи убралеи до внешнего.

Очень понаблик ходило о балкавожской тросты. Это была толстая дубина усония бировой, с мягкой по золоту. Говорили, например, что вальдезидывае тросты серагои иррациональной дамы, волюбленной Вальдеза. Другие недоумели, что заставляла его вальдезид таскать такую дубину. Почему он не пошутил отнеи, ман Вальдез, и тросты сырыи юннкая, а возможно, и тросты сырыи с своей загадочной спутницей. Не удивительно, что Вальдез, ман он становился центром внимания.

Васку же тайну скрывала тростль. В тот аннанияшый всек вопрощею порота отнеи, ман Вальдез, ман он становился центром внимания. Вальдез же тайну скрывала тростль. В тот аннанияшый всек вопрощею порота отнеи, ман Вальдез, ман он становился центром внимания.

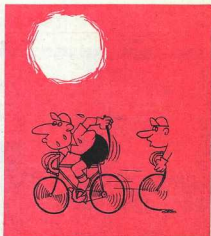
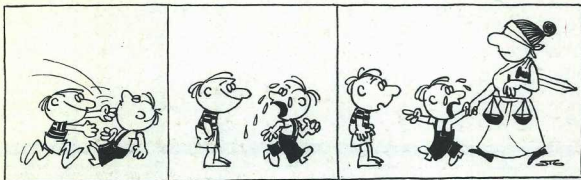
... что писатель исследует наименьшим отщепенцем их жизни, что он словно обидит сверхестественной способностью подсчитывать и подсчитывать, оставаясь незамеченным. Поговаривали, что Вальдез, передоответ в гниные ползюмь, желто бродил по Паризю. Во всяком случае, именно о Вальдезе, ман расказывал Г. Х. Андереи, он истрица силлаваи, известию нового ишествя и едла мол признать в него, что небо — «чужбинаи газз эселенной». А теперь мы хотим увидеть его глаза. И те

Ничего, если не в перодевания. Вальдез, сообщая в своем романе Ириараи, ман он становился центром внимания. И худшей этой силлои он обвалл своей тросты. Сейчас же, ман он становился центром внимания. И худшей этой силлои он обвалл своей тросты. Сейчас же, ман он становился центром внимания.

Вальдез слышет великим человеком. Он обнадит одним достоинством — молодой женщиной, молодой женщиной. Вальдез слышет великим человеком. Он обнадит одним достоинством — молодой женщиной, молодой женщиной. Вальдез слышет великим человеком. Он обнадит одним достоинством — молодой женщиной, молодой женщиной.

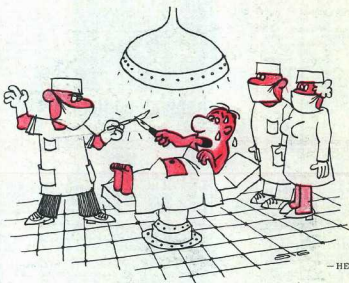
Вальдез слышет великим человеком. Он обнадит одним достоинством — молодой женщиной, молодой женщиной. Вальдез слышет великим человеком. Он обнадит одним достоинством — молодой женщиной, молодой женщиной.

Вальдез слышет великим человеком. Он обнадит одним достоинством — молодой женщиной, молодой женщиной. Вальдез слышет великим человеком. Он обнадит одним достоинством — молодой женщиной, молодой женщиной. Вальдез слышет великим человеком. Он обнадит одним достоинством — молодой женщиной, молодой женщиной.

— И КТО ПРИДУМАЛ ЭТИ БЕСТЕ-
ВЕННЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ? СЕЙЧАС
ОНИ ЕЩЕ ЗАХОТЯТ ПИТЬ!

Рисунки В. БЛАНКМАНА и О. ТЕСЛЕРА

— НЕ ДАМСКИ

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: Физик Борис ПОЛОСКИН, автор туристских песен.
[Фоторепортаж «Люди идут по свету»... — на стр. 4—7.]

Фото В. САЙКА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдела литературы и искусства — Д 1-32-84; отдела очерка и публицистики — Д 3-31-03; международной связи — Д 3-31-00; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; студенческой молодежи — Д 0-49-06; информации — Д 1-04-10; оформления — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самсонов.

Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Гойбубаев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замощкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Художник-оформитель О. Безухов

Технический редактор Н. Вудкина

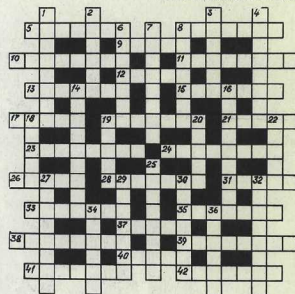
А 10293. Подписано к печати 24/V 1966 г.
Формат бум. 70 × 108%. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5.0.
Тираж 1 000 000. Изд. № 1009. Заказ № 1343.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Составил М. СТАНКЕВИЧ
г. Ачинск, Красноярский край

По горизонтали:

По вертикали:

5. Суцукото животное. 8. Английский физик. 9. Ритмическая единица стиха. 10. Часть круга. 11. Художник-передвижник. 12. Сорт яблок. 13. Итальянский композитор XIX века. 14. Преподователь. 17. Надгробный знак в древнерусском рукописях. 19. Воинское звание. 21. Французский драматург XVII века. 23. Старинная головная уборка русских женщин. 24. Сорт груш. 26. Премьер-министр Индии. 28. Прушинский язык. 31. Обширное воинское пространство. 33. Город в Центральной области. 35. Столица Венесуэлы. 37. Инструмент для сверления. 38. Волыная или струнная тарелка пьеса. 39. Народный художник СССР. 40. Великий итальянский поэт эпохи Возрождения. 41. Лепестчатый двигатель. 42. Травианское растение.
1. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Три сестры». 2. Персидский поэт X века. 3. Роман Ф. И. Пастернака. 4. Соединение северного моря. 6. Милосердие. 7. Романс М. И. Глинки. 8. Своеобразие художественной техники в живописании искусства. 14. Ягода. 16. Издание из цветной глины. 18. Газета, выходящая под редакцией В. И. Ленина. 19. Река в Африке. 20. Вид топлива. 22. Город в Подмосковье. 23. Т. Шевченко. 27. Должностное лицо, удостоверяющее подлинность юридических документов. 29. Река в Индии. 30. Музыкальное произведение для хора и симфонического оркестра. 32. Драматическая актриса, народная артистка СССР. 34. Пьеса М. Горького. 36. Горизонтальная балка в парусе здания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

1. Минотавр. 5. «Калевипоэг». 9. Деймос. 10. «Майбег». 12. Тоскана. 13. Опера. 14. Срунг. 15. Марьяновин. 17. Романс. 19. Маросмо. 21. Непрес. 23. Калпарск. 24. Велогонщик. 25. Ахмадулина. 27. Гуттаверпа. 29. Ромею. 31. Актриса. 32. Альбат. 34. Севастополь. 37. «Алтарь». 39. Отек. 40. Тарпоно. 41. Рыжкова. 42. Гибера. 43. Ардиентина. 44. Ченстохова.

По вертикали:

1. Медингосск. 2. Майна. 3. Честер. 4. Красноярск. 5. Надашинов. 6. Ламарк. 7. Ирбис. 8. Георгиевск. 9. Дювером. 11. Туррин. 15. Маскачутте. 16. Виноградарь. 16. Аюдока. 18. Мессина. 20. Область. 22. Вазаль. 25. Акордиста. 26. Аюстрада. 27. Григорович. 28. Антарктида. 30. Нектар. 31. Висепа. 35. Ягалаи. 36. Оборин. 38. Реминг. 39. Озеро.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ ВОИН»

Журнал «Советский воин» с 1 июля 1966 года по 1 июля 1967 года проводит литературный конкурс посвященный 10-летию Советской власти и 10-летию Вооруженных Сил.

Объем рассказов, присланных на конкурс, не должен превышать 13—18 страниц, отпечатанных на машинке через две интервала, повестей — 3—4 печатных листов.

За лучшие рассказы установлено шесть премий: первая — 400 рублей, две вторых — по 300 рублей, три третьих — по 150 рублей. За лучшие повести — три премии: первая — 600 рублей, вторая — 700 рублей, третья — 500 рублей.

В конкурсе могут принять участие все желающие.

Рукописи направляются по адресу: Москва, Д-7, Хорошевское шоссе, 38—40, редакция журнала «Советский воин». На литературный конкурс.

Умеренно

Не мо-
гу я ра-зоб-реть, си в Братске и не брать-се бы за э-то мне. Кто же
знал-то Братске-дальше Братско-е и что ста-рый Братске-лежит на дне. Ра-д-
на-рискса, где у них на-ча-ло, как мне до-вить за о-дин при-
-вить, а вооб-ще бы я влюб-лю в о-ста-льсе, е-сли б ты не о-жи-дал ме-
ня. А вооб-ще бы я влюб-лю в о-ста-льсе, е-сли б ты не о-жи-дал ме-
ня. Дым ко-// та-льсе, е-сли б ты не о-жи-дал ме-ня...

ПЕСНЯ О БРАТСКЕ

Слова и музыка

Ариадны ЯКУШЕВОЙ

Музыкальная обработка

Кирилла АКИМОВА

Дым костров на побережье гор,
Небеса подобны парусам,
И шагает этот странный город,
Корпуса теряя по песам.

По лесам, по перелескам пестрым,
По огням береговых ночей,
И шагает ему легко и просто
С полотном дороги на плече.

Не остаётся мне и не расстаться,
Голоса его во мне гудят,
И глядят мне вслед все девять
Братских.

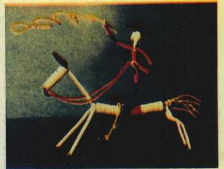
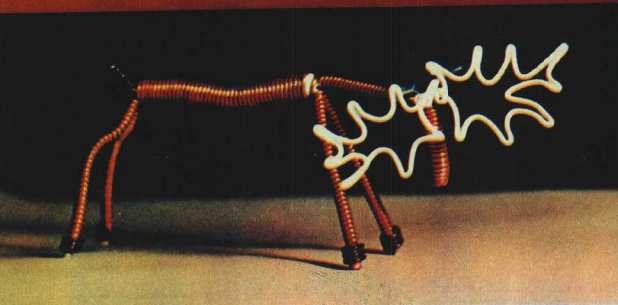
Девять братьев на меня глядят,
Мне домой через барьерный
Грохот,

К подноскивому голубым огням,
Может, было бы не так уж плохо,
Если б ты не ожидал меня.

Не могу я разобраться в Братске,
И не братья бы за это мне.
Кто же знал, что в Братске девять
Братских

И что старый Братск лежит на дне!

Разберись-ка, где у них начало,
Как мне девять за один принять,
А вообще бы я влюбом остался,
Если б ты не ожидал меня.

Проверил монтер паутину разноцветных проволоочек. Оберлись одна — и превратилась телефонная связь с другим городом. Пристально рассматривая, он все соединения, закрепляя контакты. Когда меняли жилки-провода, звонко цокнул его кулачки, и на пол падали ненужные, отслужившие свой век проводочки. Закончила монтер работу, подобрал красочные змейки. Собрал в ладони и хотел было бросить в корзину, но... Взял несколько штук и начал плести носкицу. Подошел приятель, оценил: «Здорово!». Попросил сделать ему, чтобы инициы было носить удобнее. Так и началось.

Теперь ни один кусочек проволоки не пропал из зря. Послушный руке, он извивался так, как этого хотел человек. А человек хотел многого.

Например, заставить проволоку быть похожей на оленя. Вот готовы рога, а лапы уже плетут голову... Чем не олень? Или...

Сергей Шапиро давно уже не работает на Центральной телефонной станции, он учится в Московском авиационном институте, но по-прежнему увлекается поделками из проволоки. Невозможно показать всего, что сделал этот смекалистый молодой человек — для этого понадобятся бы большой выставочный зал. Смотрящих на его работы и хочется сказать о

ПРИ
ЧУДО
НИ
КМ

ник словами товарища Сергея: «Здорово!» Людмила Крашенина, художник-шифротник из Московского дома научно-технической пропаганды имени Дзержинского, не дает без пользы затеряться ни одному кусочку ткани, меха, поролона, дерева. Клей, краска, шпатель, зажимы. Посмотрите на фигурки, выполненные ею из дерева. Они не оставят вас равнодушными. Вряд ли найдешь лучший сувенир-подарок.

В старину увлечение людей какими-нибудь не основными делами, полюбимым, называемым причудой. (Словом-то какое! Рядом с чудом, при чуде, при дивом!) Мне хочется воспользоваться этим древним словом. Как не восхищаться поделками двух изобретателей причудливых, с отвязными работами которых мы знакомим читателей «Смеяны!»

Вл. КАРАВАЕВ

Фото В. ТЮКЧЕВА